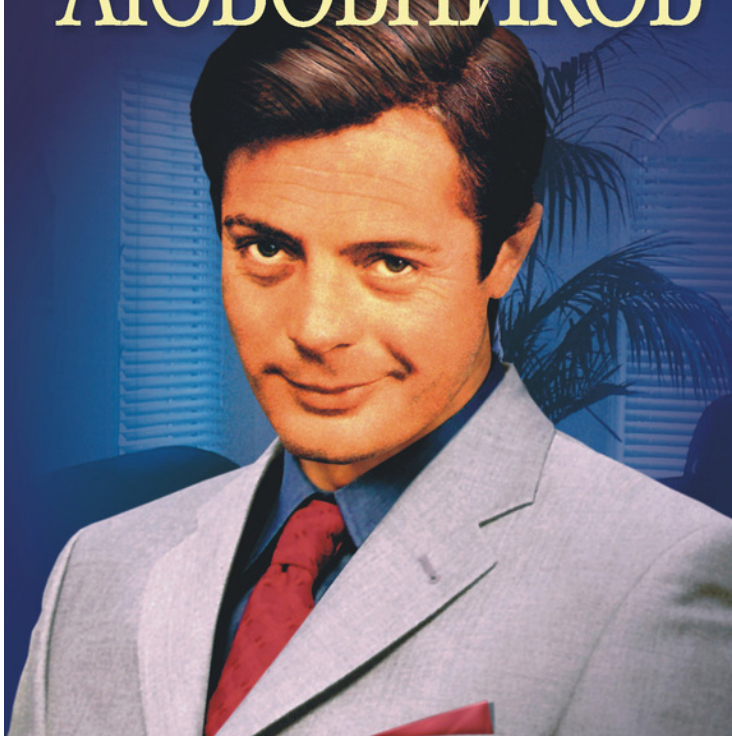

ЗНАМЕНИТЫХ
ЛЮБОВНИКОВ

Елена Константиновна Васильева
Юрий Сергеевич Пернатъев
50 знаменитых любовников
Серия «100 знаменитых»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4572824
50 знаменитых любовников: Фолио; Харьков; 2004
ISBN 978-966-03-1999-1

Аннотация

Личная, а тем более интимная жизнь знаменитостей – это причудливое сплетение событий, в которых вознесение к высшему наслаждению сопровождается, как правило, настоящими драмами и душевными потрясениями. А если к тому же эта жизнь богата необычайными приключениями, неистовыми страстями, романтическими порывами, то интерес к ней возрастает многократно.

Знаменитые любовники – это, прежде всего, великолепные мужчины. В этой книге рассказывается о 50 из них – тех, кто возносил женщину на невиданные высоты, давал ей возможность ощутить полноту жизни, почувствовать себя единственной и неповторимой. По справедливости, оценку великому любовнику и должна бы давать женщина – кому, как не ей, по достоинству оценивать таланты своего избранника. Но таких свидетельств

в истории, к сожалению, мало. Поэтому предоставим слово самим мужчинам: Джакомо Казанове и Генриху VIII, кардиналу Ришелье и Людовику XIV, Виктору Гюго и Александру Дюма, Амедео Модильяни и Сальвадору Дали, Чарли Чаплину и Марчелло Мастоияни...

Содержание

От авторов	5
Властительные Донжуаны	9
Папа Александр VI, Родриго Борджиа	9
Генрих VIII	24
Ришелье Арман Жан дю Плесси	48
Людовик XIV Бурбон	63
Мазепа Иван Степанович	80
Франклин Бенджамин	94
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Елена Васильева, Юрий Пернатъев

50 знаменитых любовников

От авторов

Личная, а тем более интимная жизнь знаменитостей – это причудливое сплетение событий, в которых вознесение к высшему наслаждению сопровождается, как правило, настоящими драмами и душевными потрясениями. А если к тому же эта жизнь богата необычайными приключениями, неистовыми страстями, романтическими порывами, то интерес к ней возрастает многократно.

Надо заметить, что само понятие «любовь» настолько всеохватно, что к нему всегда приходится добавлять какое-либо определение, связанное то ли с религией, то ли с милосердием, то ли с родиной, семьей, природой, ремеслом и конечно же с сексом. Зато так называемые «любовные связи» вполне конкретизируют тот предмет, которым занимаются и профессиональные историки, и медики, и социологи, и вообще всякий любопытствующий человек. В этом смысле все нормальные мужчины, за редким исключением, так или иначе являются любовниками.

Впрочем, слово «любовник» неточно передает тонкость интимных отношений между мужчиной и женщиной. По устоявшемуся мнению, в ней что-то есть от бездумного флирта, с той или иной степенью страсти. Были, правда, времена, когда не быть любовником, как и не иметь его, считалось для светских дам и кавалеров чуть ли не зазорным. Иное дело, когда речь заходит о людях знаменитых, или, как сейчас говорят, публичных. Тогда любовная интрига чаще всего приобретает оттенок скандальности, которая иным идет на пользу, а иным и во вред.

Обозначенная тема книги дает повод поразмыслить и в несколько ином направлении: а кого вообще можно считать знаменитым любовником, если иметь в виду не столько выдающуюся личность, сколько человека, для которого постоянные любовные связи – это образ жизни, своеобразное кредо, а не просто состояние временной влюбленности. При такой постановке вопроса неизбежно встречаются трудности – хотя бы с выбором персоналий, потому что отнюдь не все знаменитости обладали безумной влюбчивостью и отнюдь не все любвеобильные мужчины стали известны широкой публике.

Стало быть, речь должна идти о мужчинах, которые оставили свой след в истории и в то же время обладали необыкновенной сексуальной возбудимостью или привлекательностью. Но как и по какой «шкале» оценивать их подвиги на любовном фронте? Или другой вопрос: сколько надо поко-

ритель женщин, чтобы войти в мировую элиту героев-любовников? Ведь даже всеохватывающее чувство к «одной-единственной и неповторимой» может принести мужчине славу исключительной в любовном отношении личности.

По справедливости, оценку великому любовнику должна была бы давать сама женщина, ибо кому, как не ей, по достоинству оценивать таланты своего избранника. Но таких свидетельств в истории, к сожалению, мало, да и не всегда они достоверны. Если, конечно, не брать во внимание нынешние времена, когда движимые девизом «все на продажу» дамы охотно впускают в свои спальни досужих любителей «клубнички». Что же касается прошлых веков, то знаменитые политики, деятели искусства, науки и так далее в большинстве своем предпочитали держать свои любовные связи в тайне, дабы не навредить и карьере, и будущей славе, а то и просто родным и близким. Разумеется, сохранились дневники, письма, остались воспоминания современников, а касательно поэтов, писателей, композиторов, художников – еще и произведения, в которых нетрудно узнать образы их любви и поклонения. Собственно, эти документы и являются основным источником наших знаний об интимной жизни прославленных любовников. Более того, на сей счет существует целая наука, которая опирается на строго подтвержденные документы, а не на слухи, сплетни и даже признания самих исторических особ. Скажем, существует так называемый «донжуанский список» Пушкина, составленный его

же рукой. Но для исследователя жизни и творчества русского классика одного этого признания будет недостаточно, как бы мы не доверяли откровениям пылкого поэта.

Словом, серьезный историк, литературовед, ступая на зыбкую стезю описания личной жизни знаменитостей, всегда проявит деликатность и уважение к ней, помимо профессионального отношения к исследуемому материалу. К такому подходу стремились и авторы настоящей книги, не оставляя, впрочем, в стороне и версии, которые существуют всегда и которые время от времени публикуют некоторые издания. При упоминании о таких версиях нужно понимать, что это лишь допущение, основанное не на вполне доказанных фактах, но тем не менее существующее.

Чтобы определенным образом упорядочить структуру книги, в нее введены тематические разделы, которые могут помочь лучше понять ту или иную сторону личности знаменитых покорителей женских сердец. Понятно, что в таком разделении есть некоторая вольность, хотя она, в принципе, не должна помешать по достоинству оценить чувства и порывы наших героев. Они оставили нам не только память о своих деяниях, но и свидетельства высшего человеческого состояния, именуемого любовью. Той самой любовью, которая двигает историю и заставляет совершать неблагоприятные поступки, ввергает в полное отчаяние и служит вечным источником подлинного вдохновения.

Властительные Донжуаны

Папа Александр VI, Родриго Борджиа

(род. в 1430 г. – ум. в 1503 г.)

Папа Римский, самый развратный из пап со времен Оттонов.

Среди знаменитых родов Италии эпохи Возрождения семейство Борджиа занимает особое и, надо сказать, отнюдь не почетное место. Его скверная репутация сложилась во времена правления папы Александра VI – Родриго Ленцоло Борджиа, одного из самых развратных римских пап средневековья, а также его сына Чезаре и дочери Лукреции.

Понятно, что за пять минувших веков деяния всех Борджиа обросли всяческими легендами, а то и домыслами, и сегодня уже сложно отделить правду от мифологических наслоений. В данном случае можно вполне довериться солидному изданию, каковым является Британская Энциклопедия. А в ней ясно сказано, что вся «система деятельности Борджиа была воздвигнута на довольно-таки нездоровом фундаменте». Попробуем разобраться, в чем состояло это «нездоровье», используя как документальные сведения, так и всевозможные версии.

Мать Родриго, урожденная Иоанна Борджиа, чью родословную некоторые историки ведут от арагонских королей, была супругой некоего Готфрида Ленцоло. Она имела длительную связь со своим братом, Альфонсо Борджиа. Плодом этой преступной связи как раз и был Родриго, из-за чего Готфрид развелся с женой и отказался признать ребенка. Таким

образом, Родриго унаследовал имя матери и своего фактического отца.

В молодости Родриго увлекался юриспруденцией и, надо сказать, весьма поднаторел в защите всяких сомнительных личностей. Однако необходимость вести строгий образ жизни для сохранения приличной репутации ему скоро надоела. На помощь пришел «дядя» (а по сути отец) – Альфонсо Борджиа. Этот ловкий и абсолютно беспринципный политик, умелый интриган и циник, в 1455 году, будучи уже в довольно преклонном возрасте, сумел обмануть конклав кардиналов и надеть на себя тиару, сделавшись Папой Римским под именем Каликста III. Он горячо любил своего незаконного сына и, движимый родственными чувствами, поспешил вызвать молодого юриста в Рим, предложив ему принять сан архиепископа Валенсии. Родриго с радостью согласился с этим предложением, поскольку новая должность открывала более широкие возможности для блестящей карьеры.

Уже в Риме Каликст III преподнес Родриго еще один, не менее щедрый дар – так называемый бенефиций, дававший двенадцать тысяч экю годового дохода. Эта сумма вместе с тридцатью тысячами дукатов ренты от родовых поместий позволила Родриго вести жизнь знатного вельможи.

На посту архиепископа новоиспеченный священник долго не задержался. Имея в лице Каликста III надежного покровителя, он вскоре стал кардиналом и вице-канцлером ку-

рии, заняв, таким образом, вторую после папской должность. Здесь-то в полной мере и раскрылись те стороны характера и личности Родриго Борджиа, которые снискали ему дурную славу.

Впрочем, образ жизни Родриго и раньше не отличался благонаравием. Еще юношей он имел любовную связь с вдовой Еленой Ванноцци, подозреваемой в убийстве мужа, заставшего супругу в объятиях любовника. Когда же Елена надоела, Родриго обратил свой взор на ее хорошенькую дочь Розу, ненавидевшую мать и мечтавшую о мести за убийство отца. Она согласилась отдаться сластолюбцу, если тот поможет избавиться от матери-убийцы. На следующий же день (не без участия своего вероломного любовника) Елена Ванноцци скоропостижно скончалась. Наградой Родриго за этот жестокий акт стала ее коварная дочь Роза.

На протяжении семи лет любовники наслаждались счастьем, не испытывая ни малейших угрызений совести. Роза родила Родриго пятерых детей, из которых в живых остались дочь Лукреция и сыновья Франческо, Чезаре и Джифрид. Все они, как, собственно, и сам Родриго, согласно католическим канонам, считались незаконнорожденными (руководящие деятели церкви дают обет безбрачия).

Получив высокие должности, Родриго стал неизменным спутником папы. Здесь надо отметить, что существует версия, будто бы любовь Каликста III, которую тот питал к своему незаконнорожденному сыну, отнюдь не была только от-

цовской. Тем не менее внешняя строгость поведения и лицемерная маска благочестия создали Родриго репутацию святого человека. Лишь очень немногие догадывались о подлинном характере связи его со святым отцом. Вскоре папа назначил Родриго вице-канцлером церкви и кардиналом и епископом Валенсии.

С этого момента все помыслы честолюбивого Борджиа были направлены к одной лишь цели – проложить себе путь к апостольскому трону. Усердно завоевывая симпатии своих коллег и выказывая необычайное смирение и благожелательность к людям, он привлек на свою сторону многих кардиналов, послов и итальянских сеньоров.

Дурача таким образом доверчивых людей, он в то же время вел постоянную переписку со своей возлюбленной и в письмах сам раскрывал мотивы, побудившие его разыгрывать роль благочестивого святого. «Роза, возлюбленная, – советовал Родриго, – следуй моему примеру: живи целомудренно в ожидании того дня, когда у меня появится возможность снова слиться с тобой в бесконечном блаженстве. Пусть ничьи уста не осквернят твоих прелестей, и ни одна рука не дерзнет сорвать покров с тела, которое принадлежит мне одному. Еще немного терпения – и тот, кто слывет моим дядюшкой, оставит мне в наследство трон Святого Петра. Все придет со временем и своим чередом. А пока прояви величайшую заботу о воспитании наших детей, ибо им предстоит управлять народами и королями!...»

Сама Роза с детьми тоже переехала в Рим. Родриго поселил их во дворце, расположенном в отдаленном квартале, подальше от людских глаз. Она приобрела титул графини Кастильской (таково было имя интенданта дворца, который вступил с ней в фиктивный брак). Под предлогом визитов к своему другу Родриго навещал возлюбленную, проводя ночи напролет в оргиях, которые он устраивал с Розой, вовлекая в них дочь Лукрецию и сыновей Франческо и Чезаре. В это трудно поверить, но некоторые исследователи утверждают, что Лукреция была одновременно любовницей как своего отца, так и брата Чезаре. И это притом, что они и без нее имели предостаточно любовниц из знатных дворянских и духовных семей. И якобы Лукреция, вступив в кровосмесительную связь, охотно исполняла все сексуальные прихоти своих ближайших родственников.

В 1492 г. Родриго Борджиа, купивший голоса кардиналов, был избран папой под именем Александра VI. Вот тогда он и дал полную волю страстям, не останавливаясь ни перед какими прегрешениями. Стремясь сделать своих детей могущественными правителями Неаполя, Венеции, Флоренции, добросердечный отец решил для начала выдать замуж Лукрецию за богатого итальянского аристократа Джованни Сфорца. По случаю этого брака были устроен пир, во время которого кардинал Чезаре, его брат Франческо, куртизанки и благородные дамы с удовольствием наблюдали игру актеров, изображавших неприличные сцены. А затем Александр VI

лично отвел молодых супругов в опочивальню, посреди которой возвышалось роскошное ложе. Святой отец разыграл у брачного ложа дочери роль матроны, а Лукреция искусно изображала девственницу, что делало всю эту комедию еще более непристойной.

Медовый месяц Лукреции длился лишь неделю. Она третировала мужа, предпочитая общество отца, его утонченные пиршества, и наотрез отказалась уехать из Ватикана во владения сеньора Сфорца. «Она почти не покидала комнат святого отца», – писал Иоганн Бурхард, епископ Читтади Кастелло, неизменный свидетель деяний Александра VI. Он был папским церемониймейстером и с наивной добросовестностью час за часом записывал все, что происходило в папском дворце. Именно благодаря епископу Бурхарду в истории остались многочисленные разоблачения «подвигов» Александра VI. Так, в дневнике Бурхарда описан и такой эпизод: «Сегодня его святейшество, чтобы развлечь госпожу Лукрецию, велел вывести на малый двор папского дворца несколько кобыл и молодых резвых жеребцов. С отчаянным ржанием табун молодых лошадей рассыпался по двору. Гогоча и кусая друг друга, жеребцы преследовали и покрывали кобыл под аплодисменты госпожи Лукреции и святого отца, которые любовались этим зрелищем из окна спальни».

Пристроив Лукрецию, престарелый папа отдался новой страсти, влюбившись в юную девушку, которую звали Джулия Фарнезе. Она была сестрой некоего Александра Фарне-

зе, обвинявшегося в подлоге. Борджиа простил ему это преступление, более того, предприимчивая Джулия сумела выхлопотать брату сан кардинала, с тем чтобы в будущем он смог претендовать на папский престол.

В мае 1498 г. Александр VI устроил празднество по случаю рождения сына от Джулии Фарнезе. Он приказал поместить в базилике, выбранной для церемонии крещения, великолепный портрет Розы Ванноцци, которому должны были поклоняться вместо иконы Пречистой Девы. Затем он расторгнул брак Лукреции и Джованни Сфорца, обвинив его в бесплодии, и выдал свою дочь замуж за юного Альфонсо, герцога де Бисельи, побочного сына короля обеих Сицилий Альфонса Арагонского. Этот союз существенно укрепил влияние папы в Италии.

Впрочем, и этот брак оказался недолгим. Герцог каким-то образом умудрился перейти дорогу брату Лукреции, Чезаре, который уже в те годы прославился как один из организаторов крестовых походов. Однажды ночью Бисельи был обнаружен задушенным в своей комнате – это был результат заговора папы с Чезаре. После этого добрый родитель решил освятить третий брак Лукреции, на сей раз с Альфонсом д’Эсте, наследником герцога Феррарского. Свадьба Лукреции состоялась в 1501 г. «Свадьбу отпраздновали с такой пышностью, – писал добросовестный Бурхард, – какой не знала даже языческая древность. На ужине присутствовали все кардиналы и высшие придворные священники, причем каждый

из них имел у себя по бокам двух благородных блудниц, вся одежда которых состояла из прозрачных муслиновых накидок и цветочных гирлянд. После ужина пятьдесят блудниц исполнили танцы, описать которые не позволяет приличие, — сначала одни, а потом с кардиналами. Затем перешли к другим забавам. Его святейшество подал знак, и в пиршественном зале были симметрично расставлены в двенадцать рядов огромные серебряные канделябры с зажженными свечами. Лукреция, папа и гости бросали жареные каштаны, и блудницы подбирали их, бегая совершенно голые, ползали, смеялись и падали. Более ловкие получали от его святейшества в награду шелковые ткани и драгоценности. Наконец, папа подал знак к состязанию, и начался невообразимый разгул. Описать его и вовсе невозможно: гости проделывали с женщинами все, что им заблагорассудится. Лукреция восседала с папой на высокой эстраде, держа в руке приз, предназначенный самому пылкому и неутомимому любовнику».

Не забывал папа и о своем любимце Чезаре. Он решил уладить политические дела сына путем выгодного брака. Именно по его протекции в 1499 г. Чезаре повел под венец Шарлотту д'Альбре — родную сестру короля Иоанна Наваррского. В очень скором времени этот брак помог Чезаре прочно завладеть Урбиной и Пиомбиной.

Благословил любящий отец своего сына и на очередной крестовый поход, в результате чего Борджиа-младший подчинил себе ряд больших и малых владений. Крупных магна-

тов покоренных городов удавили или повесили по его приказу. А их родственников и родителей, дабы те не потребовали возврата захваченных владений, в мир иной отправлял уже святой отец с помощью яда.

О знаменитых ядах Борджиа стоит сказать отдельно. Используя достижения опытных химиков, папе и его родственникам удалось довести до совершенства способы устранения неугодных. Александр, Чезаре и Лукреция действовали либо сами, либо через своих сообщников. Достаточно было уколоть отравленной иглой намеченных заранее жертв, чтобы те падали замертво. Это можно было сделать совершенно незаметно, например, во время мимолетной встречи.

Излюбленным у этого семейства был яд, лишенный запаха и цвета. Получая одну каплю этого яда раз в неделю, приговоренный умирал постепенно, в какие угодно установленные сроки. Именно на это и рассчитывал отравитель, чтобы замести свои следы. А знаменитое вино Борджиа имело то свойство, что действие его сказывалось лишь через несколько лет: у человека выпадали зубы, волосы, сходила кожа, и он умирал после долгой и мучительной агонии.

У Лукреции же был с виду самый обыкновенный ключ, с помощью которого она отправляла на тот свет любовников, когда хотела от них избавиться. Рукоятка этого ключа заканчивалась неприметным острием, которое она натирала ядом, вручая его надоевшему любовнику. Открывая дверь, тот неизбежно царапал кожу на руке и через сутки умирал.

У Чезаре, в свою очередь, был не менее любопытный перстень, имевший на внутренней стороне подобие двух львиных когтей, изготовленных из тонкой стали. Во время рукопожатия когти вонзались в руку под нажимом пальца и глубокие желобки тут же выпускали яд. Кроме того, были у него и специальные перстни с миниатюрными тайниками для яда. Некоторые из этих колец сохранились до наших времен. На одном из них выгравированы имя Чезаре Борджиа, дата – 1503 год и надпись: «Выполняй свой долг, что бы ни случилось».

В начале XVI века всеобщая ненависть к семье Борджиа достигла предела. Отец и сын изрядно надоели итальянцам своими грабежами, убийствами, интригами, распутством, казнокрадством. В конце концов Александр VI погиб, став жертвой собственного оружия. По одной из версий, дело обстояло так. В августе 1503 г. папа задумал очередное отравление нескольких неугодных кардиналов. Преступный план должен был осуществиться на торжественной обедне. В числе прочих лакомств гостям предназначалось дорогое кирпичное вино, естественно, с добавленным в него ядом. Бутылки с этим вином были отданы под надзор надежного виночерпия. Однако случилось так, что он во время разлива вина отсутствовал. К несчастью для папы и его сына, другой слуга перепутал бутылки, и коварные отравители вместо кардиналов сами приняли яд. У святого отца начались страшные конвульсии. Его тут же перенесли во дворец, где он ночью и

скончался. Долгое время и Чезаре находился между жизнью и смертью. Его спасло то, что он имел привычку пить вино, разбавленное водой, поэтому яд потерял свою силу.

После смерти отца фортуна отвернулась от пронырливого и наглого Чезаре. Обстоятельства сложились так, что, едва выздоровев, он оказался в плену у недругов, не отличавшихся христианскими добродетелями и склонностью к милосердию. Казалось, теперь все окончательно рухнуло и с Чезаре жестоко расправятся. Однако не тут-то было: хитроумный Борджиа все-таки сумел выкрутиться. В 1504 г., пробыв в плену почти год, путем многочисленных интриг, лживых подкупов и клятвенных обещаний огромного выкупа ему все же удалось освободиться.

Оказавшись на воле, Чезаре скрылся у брата своей жены Шарлотты, короля Наварры. Не исключено, что предок знаменитого Генриха IV разгадал планы папского сына. Как бы то ни было, прожженного интригана Чезаре Борджиа убили в Наварре в 1507 году, когда ему было всего двадцать девять лет от роду.

Лукреция умерла в 1519 г. – последней из скандально известного рода. Из исторических документов известно, что ни один из Борджиа – по крайней мере в этой ветви рода – не оставил потомства.

Здесь следует заметить, что нравы и обычаи той эпохи отличались, мягко говоря, некоторым своеобразием. Разгул страстей, своеволие и распущенность в трижды прославлен-

ной Италии эпохи Возрождения были в порядке вещей. Священнослужители содержали мясные лавки, кабаки, игорные и публичные дома, так что приходилось даже издавать декреты, запрещающие священникам «ради денег делаться сводниками проституток». Монахини вздох читали «Декамерон» и предавались оргиям. Тогдашние писатели сравнивали монастыри то с разбойничьими вертепами, то с публичными домами. В городах велись настоящие битвы между францисканскими монахами и монахинями. В церквах пьянствовали и пировали, а перед чудотворными иконами развешивались изображения половых органов, исцеленных этими иконами.

К этому можно добавить и такие любопытные факты. В 1490 г. в Риме насчитывалось 6800 проституток, а в Венеции в 1509 г. их было 11 тысяч. До наших дней дошли целые трактаты и диалоги, посвященные этому ремеслу, а также мемуары некоторых известных куртизанок. В них сообщается, что публичных женщин ежегодно привозили из Германии, что эти женщины занимались также физиогномикой, хиромантией, врачеванием, изготовлением лечебных и любовных средств. Из этих своеобразных любовных опусов можно также узнать, чем славились венецианки, в чем заключалась неодолимая сила генуэзок и каковы были особенные достоинства испанок. Некоторые папы, к примеру Пий V, пытались бороться с этим явлением. Но, если верить автору одной хроники, бывали и такие времена, когда институт

куртизанок приходилось поощрять, поскольку уж слишком распространился «гнусный грех» мужеложества. Именно поэтому проституткам запрещалось для привлечения внимания мужчин одеваться в мужскую одежду и делать себе мужские прически.

Понятно, что при таких нравах деяния папы Александра VI вовсе не представляются чем-то исключительным. К тому же ко многим фактам жизни зловещего семейства Борджиа все же следует относиться с известной долей осторожности. Многое здесь основано на народной молве, как, впрочем, и некоторые выводы историков. Вполне вероятно, что большая часть грехов была выдумана политическими противниками всесильного клана. И все же один грех несомненен, поскольку падре Родриго на старости лет любил хвастаться им: он имел детей от своих многочисленных любовниц. От современников он отличался лишь количеством, а не качеством грехов. И если имя Александра VI стало синонимом вероломства и жестокости, то лишь потому, что он сам по себе был личностью значительной и конечно же выделялся в среде властителей средневековой Европы. Подтверждение тому – знаменитый труд философа и политика XV в. Никколо Макиавелли «Государь», в котором выведен образ идеального правителя и который является своего рода учебником управления государством при помощи подлости, беспринципности, коварства и предательства. Чезаре Борджиа, превративший Флоренцию в центр политического терроризма, служил

для Макиавелли образцом идеального руководителя, но идеального в особом смысле. Речь идет об определенном типе сильного политического деятеля, не гнушающегося никакими средствами.

Макиавелли можно доверять, особенно если учесть, что он был современником всех членов семейства Борджиа, а с Чезаре даже дружил. Во всяком случае, мы сегодня можем более или менее ясно понять, какое представление о моральных качествах властителей может дать писатель, имевший возможность соприкоснуться со всеми жестокими нравами, царившими в те отдаленные времена.

Генрих VIII

(род. в 1491 г. – ум. в 1557 г.)

Английский король с 1509 г., из династии Тюдоров, вошедший в историю как венценосный многоженец.

Генрих VIII, пожалуй, один из наиболее одиозных правителей средневековой Англии. Имя венценосного многоженца овеяно множеством легенд, наиболее популярная из которых даже легла в основу сказочной «страшилки» под названием «Синяя Борода». Конечно, великий сказочник Шарль Перро несколько сгустил краски: борода у Генриха была самая обыкновенная (что хорошо видно на одном из знаменитых его портретов), а вот жен действительно было больше, чем у кого-либо из европейских монархов, а именно шесть. Из них он казнил только двух, да и то по подозрению в измене, которая в те времена считалась тяжким преступлением.

Здесь надо сказать, что многочисленные браки Генриха VIII диктовались не страстью короля к женитьбе или развращенностью его натуры, а сугубо политической, точнее, государственной необходимостью. Как раз в интимных связях король отнюдь не был беспорядочен, а его любовниц можно сосчитать на пальцах одной руки. В этом отношении он был превзойден обоими своими коронованными современниками – не только почтенным Франциском I Французским, но и рассудительным и благочестивым императором Священной Римской империи Карлом V.

Кроме того, в Средние века придерживались теории, со-

гласно которой любовь должна следовать за браком, а не предшествовать ему. К тому же королевские браки в значительной степени были политическими актами, подобно тому как браки аристократические часто являются деловыми сделками. При этом королеве не полагалось протестовать против неверности своего господина (хотя она нередко это делала), но если венценосная супруга сама решалась пуститься в какое-нибудь любовное приключение, ее ожидали осуждение и тюремное заключение, а порой и смерть. Причина такого неравенства вполне ясна. Внебрачные дети короля никому не причиняли вреда и даже демонстрировали его мужскую силу. Но любое сомнение в законности ребенка, рожденного королевой, могло нарушить порядок наследования в государстве. Именно этот порядок заставлял Генриха и его приближенных так скрупулезно относиться к выбору супруги и ее физическим достоинствам.

О детстве и воспитании Генриха известно немного. Как младшему сыну короля Генриха VII, ему уже с колыбели предназначалось высокое положение в обществе, но не престол. Однако смерть его старшего брата Артура, принца Уэльского, женатого на испанской принцессе Екатерине Арагонской, сделала Генриха еще и главным претендентом на королевский трон.

В 1509 г. умер Генрих VII и королевская власть перешла к его младшему сыну, ставшему Генрихом VIII. С первых же месяцев правления восемнадцатилетний король проявил

необычайную самостоятельность, удалив от двора некоторых непопулярных придворных, пользовавшихся влиянием при жизни отца. Следующим актом стала женитьба Генриха на вдове своего брата Екатерине Арагонской, с которой он, кстати, был помолвлен еще в 1504 г.

Трудно сказать, чем было вызвано это решение. Но, как будет видно далее, оно во всех отношениях осложнило политическую обстановку в Англии и внесло немало драматизма в личную жизнь обоих супругов. Пока же все представлялось королю прекрасным. Он был полон радости и жизнелюбия, а его цветущий вид вселял подданным чувство уверенности и оптимизма. В исторических хрониках отмечается, что молодой король выглядел настоящим мужчиной – высокий, хорошо сложенный, он обладал красивой внешностью и твердым характером. А благодаря прекрасному физическому развитию неизменно побеждал в рыцарских турнирах.

Казалось бы, принц, получивший достаточно серьезное образование и щедро одаренный физической энергией, должен был бы уже иметь определенный сексуальный опыт, однако нет оснований считать, что именно так было с юным Тюдором. Недаром один из его биографов отмечал, что Генрих сохранился перед своим вступлением на престол «как юная дева». Екатерина, супружеская жизнь которой с болезненным 15-летним принцем Уэльским продлилась всего четыре месяца, была столь же неопытна, несмотря на более зрелый возраст. К счастью, Екатерина и Генрих понравились

друг другу. Она быстро зачала и уже в январе 1510 г. родила, увы, недоношенную девочку. Эта неудача не показала слишком серьезной, и через несколько недель королева снова была беременна. В новогодний день 1511 г. она родила сына, который был крещен под именем Генриха. В честь наследника Генрих VIII устроил пышный рыцарский турнир, целью которого была демонстрация любовного согласия между королем и королевой.

Но ровно через семь недель Генрих Тюдор умер в своей роскошной колыбели. На этот раз во дворце воцарились и горе, и тревога. Екатерина обратилась к молитвам, король жалел самого себя. Насколько известно, взаимных обвинений не было. Согласно расхожим представлениям той эпохи, в отсутствии или неполноценности детей обвиняли, как правило, женщину, а детская смертность рассматривалась как наказание за грех обоих супругов. Вопрос состоял в том, что это за грех.

После столь драматических событий королевский брак уже не казался идиллией, и прошло более двух лет, прежде чем Екатерина снова забеременела. Если Генрих и развлекался в это время с другими женщинами, то он был на сей счет очень осторожен и не оставил незаконных детей, о которых было бы известно. Внешне он продолжал проявлять исключительное внимание к своей жене, а она оставалась образцом супружеского долга.

В январе 1515 г. королева родила еще одного недоношен-

ного ребенка, что еще более усугубило трагизм положения супругов. Екатерине было уже тридцать, ее красота начала тускнеть, а набожность приобрела оттенок одержимости. Примерно в это же время Генрих начал флиртовать с хорошенькой придворной дамой по имени Елизавета Блаунт.

В феврале 1516 г. Екатерина наконец-то родила здорового ребенка. Радость была искренней, но не бурной, потому что ребенок оказался девочкой, которую крестили под именем Мария. Екатерина торжествовала, а у Генриха пробудилась надежда, что за дочерью последуют и сыновья. Но снова Екатерина забеременела только через два года. К этому времени она превратилась в тихую, неприметную женщину, занятую благочестивыми делами, домашними обязанностями, воспитанием дочери и постоянными молитвами.

В ноябре 1518 г. королева родила еще одну дочь. Неизвестно, родился ли этот ребенок живым. Если это и так, то прожила девочка недолго, поскольку нет никаких упоминаний о ее крещении. У Генриха это вызвало новое разочарование, уже граничившее со страхом. Надежды на рождение принца таяли, тем более что период деторождения у королевы закончился. Хотя ей было только тридцать два года, бесконечные беременности и страдания из-за повторяющихся рождений и смертей детей подорвали ее душевные силы и здоровье. Причем никто не обвинял Генриха в этом обострении династической ситуации. Вину возлагали только на Екатерину, которая, как считали, не смогла выполнить

свой первостепенный долг. Ситуация усугубилась тем, что в 1519 г. Елизавета Блаунт, бывшая любовницей Генриха уже около двух лет, родила здорового сына, которого король тут же признал и назвал Генрихом Фитцроем.

К 1523 г. брак Генриха и Екатерины стал простой формальностью. Елизавету Блаунт сменила в постели короля Мария Болейн, старшая дочь сэра Томаса Болейна и Елизаветы Ховард. Она в 1520 г. вышла замуж за Уильяма Кэри, придворного короля. Был ли этот брак простой ширмой, устроенной королем для сокрытия реальной ситуации, или Мария стала его любовницей после свадьбы, неизвестно. Их отношения закончились в 1525 г., поскольку Генрих обратил внимание на младшую сестру Марии, Анну Болейн.

Особой красотой Анна не блистала. Высокого роста, темноволосая, с благородной осанкой, она больше привлекала мужчин своими изысканными манерами и тем чувственным магнетизмом, который сегодня называют сексапильностью. Так, Анна будто мимоходом ввергла в безрассудную страсть несчастного Генри Перси, который был сыном и наследником графа Нортумберленда. Он был довольно неловким юношей, к тому же по контракту должен был жениться на Марии Тальбот, дочери графа Шрусбери. Все это завершилось своего рода скандалом и опалой несчастного Генри.

Как бы там ни было, к 1525 г. Анна в свои двадцать четыре года стала самой видной придворной дамой, но выгодного замужества все еще не предвиделось. Именно в этот момент

она затеяла куртуазную игру с самим королем, строя далеко идущие планы, а именно стать новой королевой.

Надо сказать, что к тому времени вопрос о том, кто унаследует династию Тюдоров, был весьма актуальным для Генриха. Если дочь Мария, то в лучшем случае ее муж будет регентом, притом что у них родится сын. Если сына не будет, то худший вариант предполагал, что муж Марии сам мог стать королем, и тогда Англия теряла не только династию Тюдоров, но и свою независимость. У Генриха было два выхода, и оба были связаны с огромными трудностями. Первый состоял в том, чтобы узаконить Генриха Фитцроя. Формально это было возможно, стоило только заручиться поддержкой папы. Но здесь существовал риск, что подобное решение можно в будущем оспорить. Второй выход заключался в том, чтобы развестись с женой, с которой Генрих прожил шестнадцать лет и которая так и не смогла родить ему наследника, и вступить в новый брак. Тем более что Генрих уверил себя, что божье Провидение покарало его за то, что он вступил в брачный союз с женой своего брата.

К октябрю 1527 г. идея о снятии «проклятья» через повторный брак настолько овладела королем, что он послал своего секретаря Уильяма Найта в Рим с очень странной просьбой. Тому следовало уговорить папу издать буллу, позволяющую королю жениться на любой женщине, включая ту, с которой он связан первой степенью родства, даже если это родство будет незаконным, при условии, что его первый

брак будет окончательно расторгнут. Однако папа оказался неуступчивым и просьбу короля отклонил.

Тогда Генрих собрал заседание советников, придворных и старейшин Лондона и зачитал покаянный вердикт, в котором сетовал на то, что до сих пор нет наследника трона. «...И хотя всемогущему Богу угодно было послать нам прекрасную дочь от меня и одной благородной дамы, принесшую нам большую радость, – говорил король, – однако многие великие священнослужители сказали нам, что ни она не является нашей законной дочерью, ни ее мать – нашей законной женой...»

Совершенно очевидно, что Генрих был искренне убежден в своей правоте, однако его покаянное послание было встречено при дворе весьма недоброжелательно. Что, впрочем, не помешало Генриху предложить Анне стать его любовницей. Правда, успеха в этом он не достиг. Ловкая дама вполне определенно заявила, что король должен продолжать настаивать на аннулировании брака, после чего сможет жениться на ней.

Чтобы избавиться от Екатерины, Генрих предпринял попытку убедить ее уйти в монастырь. Тогда, как он считал, с точки зрения канонического права возникнет благовидный предлог, позволяющий ему жениться вторично. Он направил всю свою неукротимую силу на осуществление этого плана, но получил категорический отказ.

Тем временем отношения Генриха и Анны утратили свой

завуалированный характер. Она наконец уступила долго сдерживаемой страсти короля и к концу декабря 1532 г. забеременела. Зайдя так далеко в своем стремлении иметь наследника, король теперь вынужден был действовать очень быстро, дабы обеспечить законность его рождения. Анна получила полноправный титул высшей знати Англии, став маркизой Пембок, что являлось знаком особой милости. А к концу января 1533 г. Генрих и Анна тайно сочетались браком, после чего формальное расторжение первого брака короля стало не только обязательным, но и спешным.

5 апреля 1533 г. Генрих бросил ошеломляющий вызов католической церкви – синод объявил (при наличии нескольких разгневанных епископов), что первый брак короля противоречил божественному закону и что папа не мог отпустить связанный с ним грех. 7 апреля парламент был распущен, а без него акт получил королевскую санкцию без права обжалования. Такой шаг послужил причиной разрыва юридических связей между Лондоном и Римом и сделал английское духовенство конечным арбитром в решении всех религиозных вопросов внутри государства. 10 мая был собран двор в Данстебле и архиепископ Крэнмер объявил статус Екатерины как королевы недействительным. А семь дней спустя была коронована Анна.

В сентябре 1533 г. новая королева родила дочь. Генрих был несколько разочарован этим, поскольку страстно ожидал сына, но девочка, которую окрестили Елизаветой, бы-

ла здорова, хорошо сложена и потому супружеская идиллия продолжалась. Тем более что вскоре Анна опять забеременела. Окрыленный Генрих был настолько уверен в рождении наследника, что даже приказал ювелиру изготовить для будущего принца изысканную серебряную колыбель. Но летом, когда весь двор находился на отдыхе, у Анны случился выкидыш. Эта трагедия, по-видимому, обозначила конец затянувшегося медового месяца Генриха с его второй женой. Он разрывался между инстинктивной потребностью обвинить во всем Анну и глубокими сомнениями относительно собственных сексуальных возможностей. К тому же его начала терзать мысль, что, возможно, он во второй раз чем-то оскорбил Бога.

Однако все эти страдания и сомнения не мешали Генриху флиртовать с придворными дамами. В то время иноземные послы заметили, что Генрих серьезно увлекся «одной очень красивой фрейлиной». Личность этой дамы так и не была установлена, и, скорее всего, интерес короля к ней был чисто внешним – не более чем общепринятым в придворном мире легким флиртом. Правда, есть и другие свидетельства того, что король, разочарованный тем, что королева так и не подарила ему наследника, стал заглядываться на других дам.

Но если отстраненная Екатерина мирилась с романами мужа, то позиция самолюбивой и дерзкой Анны была иной. Привычное положение отодвинутой в тень королевской супруги совершенно не соответствовало ее женской природе. В

отличие от Екатерины, она так и не научилась молчать, когда нужно. Если она не соглашалась с королем или считала, что он делает глупость, она ему говорила об этом прямо в глаза. Кроме того, Анна прекрасно понимала, что завоевала сердце короля своим женским очарованием и сексуальной привлекательностью, потому и потерять его могла точно таким же образом. Поэтому вместо того, чтобы относиться к шалостям Генриха с легким пренебрежением и пониманием, Анна стала устраивать сцены ревности. Дело усугублялось еще и тем, что отношения Генриха и Анны всегда носили характер глубокой страсти, склонной к бурным ссорам и пылким примирениям, а королеве, как тогда было принято этикетом, так вести себя не полагалось.

В январе 1536 г. умерла удаленная Екатерина, которая именовалась как вдовствующая принцесса Уэльская. Анна в это время снова была беременна, и вновь воскресли надежды Генриха на рождение сына. Но, похоже, злой рок продолжал преследовать короля: Анна в результате выкидыша потеряла сына, и Генрих пережил очередной, почти истерический приступ жалости к себе. Особенно его удручало то, что за такой короткий срок это был второй выкидыш после трех беременностей.

После мучительных размышлений он пришел к тому же выводу, какой послужил причиной его развода с Екатериной Арагонской: брак с Анной неугоден божественному Провидению. Он недействителен, а потому необходимо жениться в

третий раз. К этому времени, то есть в 1536 г., король обратил внимание на одну из придворных дам королевы, Джейн Сеймур. Вскоре его отношения с ней перешли границу галантного «ухаживания» и предстали как впечатляющая реальность. Неизвестно, как реагировала Джейн на возможность стать королевой, но ее честолюбивый брат Эдвард Сеймур, недавно введенный в состав тайного совета, наверняка такую возможность предусмотрел. Джейн старательно обучали тактике «сдержанности», которой умело пользовалась и Анна в начале ее отношений с Генрихом. Так, когда король послал Джейн дорогой подарок и письмо (а он всегда поступал подобным образом с приглянувшейся ему дамой), та вернула с демонстративной непреклонностью и подарок, и письмо, хотя и выразила при этом нижайшее почтение и покорность.

Врагами Анны Болейн был разработан вероломный план, который должен был заставить Генриха разорвать брачные отношения с королевой. Как сумели убедить Генриха в том, что он живет рядом с вероломной блудницей, неясно и сегодня. Но факт остается фактом. Была искусно использована публичная ссора Анны с сэром Генри Норрисом, одним из старейших и ближайших друзей короля, во время которой королева обвинила его в том, что он претендует на ее руку, «если с королем случится несчастье». После чего Норрис был отправлен в Тауэр. Затем туда последовал Марк Смитон, придворный музыкант, который в течение некоторого вре-

мени вздыхал по Анне. На допросе он признался в адюльтере с королевой, что почти наверняка было выдумкой, а может быть, и самооговором в результате психологического давления. Таким образом, появилось «веское доказательство» измены королевы.

Кроме того, брат Анны, лорд Рошфор, был очень дружен с сестрой. И при сложившихся обстоятельствах нетрудно было внушить Генриху мысль о том, что между ними существовала кровосмесительная связь. Анна, которая стала для короля «проклятой и извергающей яд блудницей», и лорд Рошфор тут же были арестованы и тоже отправлены в Тауэр.

На суде палаты лордов Анне было предъявлено обвинение в супружеских изменах, насмешках над королем и участии в заговоре с целью его убийства. Надо отдать должное королеве: она держалась с удивительным достоинством, все обвинения отрицала, чем, кстати, даже вызвала некоторую симпатию в народе, которой никогда не ощущала в дни своего процветания.

Но Генрих так жаждал смерти Анны, что не хотел слушать никаких оправданий. Суд утвердил смертный приговор, предоставив королю решать, будет ли Анна обезглавлена или сожжена заживо. В результате жертвам была определена милосердная и почетная смерть путем отсечения головы. В день казни, состоявшейся 18 мая 1536 г., Анна уже не была ни королевой, ни маркизой Пембок. Вместе с репутацией верной жены ее лишили и всех титулов.

Как только весть о смерти Анны дошла до короля, он тут же отправился на встречу с Джейн Сеймур, и на следующий день, 19 мая 1536 г., они уже были обручены.

Что касается Джейн, то она явно не была красавицей, и к своему замужеству подошла уже в 27-летнем возрасте. Она оказалась полной противоположностью своей непокорной и опасной предшественницы. Джейн не была ни страстной, ни требовательной и стала для Генриха истинным бальзамом после возбуждающих, но утомительно бурных отношений с Анной. «Король попал из ада в рай, обретя нежность взамен злобы и несчастья, свойственных первому», – писал сэр Джон Рассел.

При Джейн английский двор стал чуть ли не образцом добродетели. Ее вкусы ограничивались роскошными платьями и драгоценностями, но отнюдь не страстью к чрезмерным и, тем более, рискованным развлечениям. Придворные ювелиры изготовили для новой королевы роскошную золотую чашу, украшенную королевской монограммой с гербом Джейн и удивительно соответствующим ее натуре девизом: «Готовая служить и повиноваться». Другими словами, Джейн была почти идеальной женщиной XVI века.

В начале октября 1537 г. третья королева после очень трудных родов родила долгожданного мальчика, красивого и здорового. Современники свидетельствовали, что король рыдал от волнения и счастья, узнав о столь радостной вести. 18 октября сын Генриха VIII был провозглашен прин-

цем Уэльским, герцогом Горнуэлом и графом Кенарфоном.

Между тем у королевы, перенесшей очень тяжелые роды, развилась родильная горячка, и ее жизнь оказалась в опасности. Затем началось заражение крови, и королева впала в бессознательное состояние. 24 октября ее не стало. «Никто в королевстве не страдал больше самого короля... он скорбел и долго пребывал в сокроенном одиночестве...» — отмечалось в хрониках того времени. Действительно, Генрих скорбел искренне, ибо Джейн не только подарила ему бесценного законного сына, с ней у него были такие доверительные отношения, каких он не знал с начала своего первого брака.

Трудно сказать, выдержали бы они испытание временем, возможно, позже ее кротость и отсутствие красоты показали бы Генриху столь же утомительными, как страсть и ум Анны. Но, так рано уйдя из жизни, Джейн осталась для него образцом совершенства, и когда пришел его собственный час, Генрих приказал, чтобы его похоронили рядом с ней.

Как бы ни переживал Генрих потерю любимой жены, среди его советников вскоре пошли разговоры о том, что королю следует снова жениться, поскольку одного наследника для королевства явно недостаточно. Теперь невесту было решено искать среди особ королевской крови. Уже дважды Генрих женился «по плотскому влечению» на своих собственных подданных, пришла пора подумать и о международных интересах. В начале июня 1538 г. Джон Хаттон, представитель Генриха при дворе Марии Венгерской, намек-

нул на возможность брака с герцогиней Анной Киевской. Перспективы такого брака были одобрены, и в середине марта следующего года начались специальные переговоры.

Как личность, Анна Киевская не представляла из себя ничего примечательного. Ей было двадцать три года, она умела говорить и читать только на нижнегерманском диалекте, и если у нее и были какие-то интеллектуальные способности, то они не развились. Серьезного образования Анна не получила, в совершенстве владела только рукоделием и была воспитана для того лишь, чтобы стать женой какого-нибудь соседнего германского принца. Послы всячески превозносили ее скромность, застенчивость и непререкаемую добродетель, пытаясь таким образом представить ее неким подобием Джейн Сеймур.

К концу сентября наконец был подписан брачный договор. В Англию Анна прибыла в конце декабря и... королю не понравилась. Он был разочарован отсутствием в ней эlegantности и сообразительности. Мало что изменилось и в первую брачную ночь. Анна оказалась не просто девственницей, она обнаружила полную неосведомленность в сексуальных отношениях. Конечно, в таком случае пылкому любовнику следовало проявить мягкость, понимание, терпение, что было совершенно несвойственно Генриху.

Что сама Анна думала о своей первой брачной ночи, неизвестно, хотя одна из ее придворных дам заметила, что если судить по началу, то еще одного королевского сына придется

ждать очень долго. Королева, казалось, не была ни удивлена, ни особенно обескуражена тем, что произошло, но с ужасом отвергла предложение о том, что она может получить совет от какой-то более опытной дамы.

Король, естественно, объяснил неудачу не слишком привлекательной внешностью Анны. Еще несколько раз Генрих пытался пробудить в себе страсть к своей новой жене, но затем отказался от дальнейших усилий. Разумеется, неудача не была его виной. С его сексуальными рефлексами все было в порядке, просто Анна его не возбуждала. Единственной заслугой этой несчастной королевы можно считать тот факт, что у Генриха снова проснулся интерес к хорошеньким девушкам.

Страдая от перемежающегося неудовлетворенного желания и осознавая свой возраст и положение, король был готов на любую связь, чем не преминула воспользоваться придворная дама Анны 19-летняя Екатерина Ховард, дочь лорда Эдмунда Ховарда и Джойс Калпеппер. Несмотря на юный возраст, Екатерина была уже опытной кокеткой. В четырнадцатилетнем возрасте у нее был первый страстный роман с молодым учителем музыки Генри Мэнноксом. Отношения между ними, вероятно, продолжались не менее года, а связь Екатерины с Френсисом Дэрхемом была гораздо более серьезной и длительной. В отличие от бедного учителя музыки Дэрхем имел подходящий статус и состояние, чтобы стать серьезным претендентом на ее руку. Одним словом, Екате-

рина была ловкой девицей и на предостережения подруг отвечала, что «женщина может миловаться с мужчиной и не зачать ребенка, если сама этого не хочет...»

По описаниям современников, Екатерина Ховард была очень маленького роста и отнюдь не красавица. Скорее всего, не внешность, а ее юность, живость и властная чувственность изначально привлекли внимание короля.

Вряд ли чары Екатерины особенно повлияли на решение Генриха положить конец своему четвертому браку, хотя это могло дать дополнительный стимул желанию быстрее завершить процесс аннулирования брака. Расторжение брака влекло за собой множество проблем, но они не шли ни в какое сравнение с теми, которые вызвал аналогичный поступок короля в 1529 г. Главным аргументом теперь стал неполноценный брак, что соответствовало вполне определенной статье канонического права.

24 июня Анну отослали в Ричмонд, якобы для того, чтобы оградить ее от вспышки чумы, и туда на следующий день явились королевские парламентарии, которые уведомили королеву, что ее брак с Генрихом является недействительным. К величайшему облегчению послов, она приняла эту весть с абсолютным спокойствием. Какие чувства в действительности испытывала Анна в тот момент, остается тайной. Может быть, она пришла в ужас, вспомнив о том, что случилось с одной отвергнутой ранее женой Генриха, о судьбе которой в Европе судачили четыре года назад. А возможно, она была

благодарна судьбе за то, что с нее снято бремя ответственности за рождение сына. Во всяком случае, Анна ответила, что довольна любым решением, которое примет король, и в своем официальном согласии о разводе королю подписалась своим девичьим именем: «Анна, дочь герцога Киевского».

Для Генриха все сложилось в высшей степени удачно. В июле 1540 г. синод пришел к решению, что последний брак короля был незаконным. Впрочем, покорность Анны была вознаграждена щедрым даром – земельными владениями, которые приносили неплохой доход. Она удалилась в замок Хевер, который стал ее главной резиденцией, и мирно зажила на задворках английской общественной жизни.

Между тем парламент обратился к королю с просьбой снова жениться ради сохранения наследования и соответственно отменил пункт о кровосмешении, касавшийся кузин в первом поколении, какими являлись Анна Болейн и Екатерина Ховард. Брак Генриха и Екатерины был заключен 28 июля. В определенном смысле новая супруга оказалась именно той женщиной, в которой 49-летний Генрих нуждался. Своей сексуальностью она дала новый импульс его слабеющей энергии и внушила уверенность в неизбежном продолжении рода.

К несчастью, представления короля о непорочности и чистоте юной жены оказались иллюзией. Во всяком случае, он мог заметить то, что Екатерина досталась ему не девственницей. С другой стороны, ему могли бы броситься в глаза и та-

кие, отнюдь не украшающие женщину качества, как тщеславие, жадность и отсутствие здравого смысла. В начале супружеской жизни Екатерина была довольно послушной и верной долгу женой. Она выбрала (или ей выбрали) великолепный девиз: «Никаких других желаний, кроме его» – и казалось, что это действительно передавало то настроение, с которым она вступала в брак. Однако истинную природу ее чувств к мужу понять нелегко. Она была прекрасной любовницей, но свои чувства не умела подчинить воле и здравому смыслу. Все могло сложиться иначе, если бы Екатерина сразу забеременела после пылких объятий короля. Но этого не произошло. Возможно, она страдала бесплодием и это спасало ее от последствий прежних тайных романов, а может, сомнительной стала плодовитость ее стареющего мужа.

Но ветреная королева, казалось, вовсе не переживала, что не может подарить Генриху наследника. Кроме того, весной 1541 г. она возобновила отношения с одним из своих прежних поклонников, молодым дворянином Томасом Калпеппером, слывшим честолюбивым волокитой. По-видимому, в его планы входила перспектива женитьбы на Екатерине после смерти Генриха, который в то время был очень плох. Мало того, Екатерина умудрилась сделать своим личным секретарем еще одного бывшего любовника, Френсиса Дэрхема.

Разумеется, услужливые придворные постарались, чтобы сведения о неверности королевы стали известны и королю. Взмешенный Генрих назначил тайное расследование, вслед-

ствие чего и Дэрхем, и Калпеппер были отправлены в Тауэр и вскоре сознались в прелюбодеянии, скорее всего, не без психологического и физического давления.

Перепуганной Екатерине ничего не оставалось, как тоже признаться в тайных отношениях со своими любовниками, но она страстно уверяла Генриха, что связь с ними прекратила «почти за год до того, как Его Королевское Величество женился на моей госпоже Анне Киевской».

Однако вскоре были получены признания Калпеппера в сексуальных отношениях с Екатериной уже после брака, подтвержденные ее страстными письмами к нему. Это вынуждена была подтвердить и леди Джейн Рошфор, которая была в курсе всех любовных забав королевы.

В конце ноября после долгих заседаний и совещаний тайный совет согласился признать вину всех троих, а именно Екатерины, Калпеппера и Дэрхема. Было объявлено, что Екатерина предала честь и достоинство королевы и должна быть именована просто как леди Екатерина Ховард. В декабре Калпеппер был обезглавлен по воле короля, а Дэрхем прошел все этапы мучительного наказания – от подвешивания и вытягивания до четвертования. Головы казненных любовников королевы были выставлены на мосту Тауэра.

Сама же Екатерина, а вместе с ней и леди Рошфор, была обвинена в государственной измене, ибо публичный суд еще над одной королевой, тоже обвиненной в супружеской измене, мог выставить в смешном свете английскую корону. Обе

дамы были казнены в феврале 1542 г. на лужайке перед Тауэром и погребены в ближайшей часовне Святого Петра. Так бесславно закончилось недолгое царствование пятой супруги короля Генриха VIII.

Но Генрих никак не мог уgomониться. И спустя некоторое время серьезно увлекся леди Лэтимер, больше известной под своим девичьим именем Екатерина Парр. К 30 годам она успела дважды выйти замуж и дважды овдоветь. В определенном смысле леди Лэтимер стояла перед жесткой дилеммой: ей меньше всего нужен был третий неудачный брак, а король к тому времени превратился в уродливую карикатуру на того страстного красавца-любовника, каким был еще десять лет назад. Он стал невероятно тучен и постоянно мучился от простуды и колик. Портрет Генриха VIII, гравированный Корнелием Мэтсью примерно в это время, изображает фигуру печально-угрожающую, с лицом, которое не без основания сравнивали с огромной картошкой.

И все же брак с королем имел свою привлекательность. Ну какая женщина не хочет стать королевой! Потому Екатерина дала согласие, и в июле 1543 г. состоялось бракосочетание Генриха с леди Лэтимер.

Как королева, Екатерина скорее воплощала мягкость, чем властность. В отличие от Екатерины Ховард, она была достаточно умна, умела поддержать серьезный разговор, но настоящее удовольствие ей доставляли наряды, музыка и танцы. Она также обожала животных и цветы, держала при себе шу-

тов. Веселый нрав и скромность – вот два качества, которые современники постоянно отмечали, описывая шестую жену Генриха VIII.

Пожалуй, Екатерина выполняла долг королевы и обязанности жены лучше, чем любая из ее предшественниц. Взяв себе девиз «Быть во всем полезной», она не только подтверждала его постоянными заботами о физическом и душевном здоровье короля, но и была хорошей мачехой его детям – Эдуарду, Марии и Елизавете. Кроме того, Екатерина отличалась удивительным самообладанием и не была замешана ни в одном скандале. Ее краткий брачный союз с Генрихом, продлившийся всего три года, был знаменателен во многих отношениях, но больше всего миром и покоем, которые ей удалось подарить своему третьему мужу, обладавшему взрывоопасным характером и буйным нравом.

Генрих VIII Тюдор умер в 1547 г., будучи еще не очень старым человеком. Но жизнь этого короля была столь бурной и насыщенной событиями, в том числе и кровавыми, что историки и биографы до сих пор не устают анализировать каждый его шаг и поступок, включая, разумеется, и многочисленные браки. Возможно, желанный покой Генрих VIII нашел лишь на склоне лет, хотя это уже трудно было назвать настоящим человеческим счастьем. А с другой стороны, кто может ответить, что для королей является счастьем?!

Ришелье Арман Жан дю Плесси

(род. в 1585 г. – ум. в 1642 г.)

Кардинал, глава королевского совета, фактический правитель Франции, известный многочисленными любовными похождениями.

Жизнь одного из самых могущественных властителей Франции XVII в. кардинала Ришелье полна загадок и тайн, хотя, казалось бы, описана до мельчайших подробностей. Известны и его любовные похождения, имена знатных и не очень знатных дам, от которых плодовитый монсеньор имел внебрачных детей. Но, опять-таки, мемуаристы в каждом случае оговариваются: возможно, все было так, а возможно, и несколько иначе. И все же основную цепочку любовных связей сладострастного министра проследить можно благодаря дневникам и прозаическим произведениям самого Ришелье, а также архивам, которыми, кстати, пользовался Александр Дюма при создании своего романа «Три мушкетера». Вопрос только в том, верно ли передал французский писатель образ кардинала и так ли однозначна его трактовка при ближайшем рассмотрении. Здесь-то как раз и оказывается, что Ришелье – личность гораздо более сложная, чем тот «тиран и злой гений», каким его описывают литераторы.

Арман Жан дю Плесси, будущий кардинал и герцог Ришелье, родился 9 сентября 1585 г. в старинной дворянской семье. Его отец Франсуа дю Плесси верой и правдой служил принцу Анжуйскому, занявшему французский престол под

именем Генриха III. После убийства короля он стал главным прево при Генрихе VI и умер от лихорадки на сорок втором году жизни, оставив жену и пятерых детей почти без средств к существованию. Чтобы похоронить главу семьи, пришлось даже заложить бриллиантовую цепь Ордена Св. Духа, пожалованного ему еще Генрихом III. Но верная служба дю Плесси-старшего не осталась без награды. Известный своей скупостью, Генрих VI тем не менее оказал осиротевшей семье солидную денежную помощь. И все же вдова покойного, в девичестве Сюзанна де ла Порт, еще долго пребывала в довольно стесненном материальном положении.

Эта достойная женщина, отличавшаяся умом, скромностью, набожностью и, вопреки придворным обычаям того времени, супружеской верностью, происходила из семьи адвоката парижского парламента, получившего дворянство за свои глубокие познания в юриспруденции. Отнюдь не избалованная достатком, мужественно пережив смерть мужа, она, несмотря на относительную молодость и красоту, так и не вышла больше замуж, полностью посвятив себя воспитанию детей.

Когда Арману исполнилось девять лет, его отдали в один из самых престижных парижских коллежей – Наваррский, где обучение было преимущественно светским. Через шесть лет он блестяще освоил латынь, прилично говорил по-итальянски и по-испански, досконально знал античную историю. В 15 лет получил титул маркиза де Шиллу и поступил

в военную академию, которая готовила кавалерийских офицеров для королевской армии.

Юный маркиз де Шиллу получал огромное удовольствие от занятий в академии. Сын, внук и правнук военных, он готовился стать «веком шпаги» – элитой французского дворянства. Как знать, распорядись судьба иначе, возможно, капитана королевских мушкетеров звали бы не де Тревиль, а де Шиллу. Во всяком случае, его физическая подготовка и трезвый, практичный ум открывали реальные возможности для блистательной военной карьеры.

Но два года спустя жизнь юного маркиза внезапно круто изменилась. Его старший брат отказался занять место епископа в Люссоне, которое традиционно приносило семейству Ришелье скромный, но прочный доход. Он предпочел постричься в монахи, а следующий по старшинству брат не испытывал ни малейшего желания сменить камзол придворного на сутану епископа. К счастью для матери, младший сын Арман ставил интересы семьи выше личных, да к тому же не стремился связать себя узами брака. Правда, претендент на титул епископа должен был достичь 23-летнего возраста, но король, из уважения к старинной французской фамилии и заслугам отца, собственным решением утвердил назначение Ришелье, едва тому исполнилось 20 лет.

В 1607 г. молодой Ришелье отправился в Рим. Здесь его приняли настороженно, поскольку папское окружение и сам папа Павел V не особо благоволили к королю Генриху, па-

мятуя его гугенотство. Однако юный богослов, получивший к тому времени степень магистра, быстро сумел добиться расположения французских кардиналов и племянника папы, кардинала Боргезе. А вскоре в беседе с папой Ришелье удалось замолвить доброе слово за своего короля, что было принято благосклонно. Папе определенно понравился молодой магистр. Римский первосвященник сумел оценить и его образованность, и ораторские способности, и необыкновенную память, позволявшую в точности повторять проповеди дворцовых проповедников. В результате Ришелье был посвящен в сан епископа, теперь уже советом кардиналов.

В августе того же года новый епископ Люссонский вернулся в Париж, где в конце октября состоялась защита его диссертации на степень доктора богословия. Примечательно, что Ришелье посвятил свой научный труд Генриху IV – случай небывалый в практике того времени. Остается лишь гадать о том, было ли это вызвано искренним восхищением деятельностью короля или трезвым расчетом, за которым скрывалось раннее стремление молодого епископа как можно скорее приблизиться к кормилу государственной власти.

Очень скоро епископу Люссонскому удалось стать одним из самых известных проповедников в Париже и приобрести множество полезных связей. Однако появились и враги, завидовавшие росту его популярности при дворе. Будущий кардинал отлично понимал, что для приобретения прочного положения ему необходимо что-то более основательное, чем

прекрасные манеры, обаяние и ораторское искусство. Ришелье оставил двор и отправился в Люссон, намереваясь завоевать авторитет и получить административный опыт в провинции.

Несколько лет Ришелье провел в своей епархии в Люссоне. После трагической гибели короля Генриха IV королева-регентша назначила перспективного политика сначала личным духовником юной супруги французского короля, 14-летней Анны Австрийской, а вскоре 30-летний епископ стал государственным секретарем по иностранным делам. Через два года судьба вновь улыбнулась Ришелье. Новый всемогущий фаворит короля Людовика, герцог де Люинь, предложил поженить своего племянника и одну из племянниц Ришелье, обещая свое содействие в получении кардинальского сана. Герцог, правда, уже начинал раздражать слабохарактерного и капризного короля, но вот жена влиятельного вельможи, герцогиня де Люинь, была первой женщиной, с которой Людовик имел физическую близость, а это значило многое. Герцогиня была прекрасна и умна: именно ею восхищался Александр Дюма, описывая неотразимую герцогиню де Шеврез, подругу и наперсницу королевы Анны Австрийской.

В августе 1624 г. кардинал Ришелье стал первым министром Людовика XIII, который, не отличаясь особой пронырливостью, все же сумел распознать политический талант «скромного» служителя церкви. Этот пост Ришелье

бессменно занимал более восемнадцать лет, вплоть до самой смерти. Правда, лучшие годы остались позади, но новая полоса жизни позволила кардиналу стать тем, кем он стал – истинным королем Франции.

Пребывая на вершине власти, монсеньор не забывал и о земных утехах. Хотя он и дал по долгу службы обет верности «церкви – моей супруге», однако был весьма неравнодушен к женскому полу. Молва приписывала Ришелье многих любовниц, но достоверных сведений о большом количестве покоренных женщин нет, хотя бы потому, что в чувственных проявлениях Ришелье был очень осторожен и всячески скрывал свои любовные связи. Правда, некоторые из них утаить было не так-то просто. Как, например, роман с известной в те годы французской куртизанкой Марион Делорм. Чем привлекла многоопытного кардинала красивая, но уже не первой свежести 35-летняя женщина? Прежде всего своими незаурядными способностями обольщать мужчин, что сулило определенную выгоду в политическом плане. Агенты Ришелье собрали о ней немало сведений: Марион родилась в богатой семье, отец назначил дочери солидное приданое, но ветреная красавица предпочла тихой семейной жизни длинную череду быстро сменяющихся поклонников. Выяснилось, что Марион к моменту встречи с кардиналом имела сразу семерых любовников, среди которых были и гвардейские офицеры, и банкиры, и литераторы, то есть люди, которые могли служить источником ценной информации.

Для тайных встреч кардинал устроил в глубине своего сада беседку, куда Марион, переодетая пажом, пробиралась вечерами. Однако как любовница она быстро наскучила Ришелье, поскольку в постели не проявила той пылкой страсти, на которую тот рассчитывал. По-видимому, высокопоставленный поклонник не шел ни в какое сравнение с другими, более молодыми, энергичными и неутомимыми в любви мужчинами.

Но Ришелье не собирался расставаться с Марион, решив, что лучшей осведомительницы ему не найти. Иными словами, их интимная связь прекратилась, но сохранились деловые отношения: завсегдатаи салона мадам Делорм, которые не всегда были сдержанны и осторожны в суждениях, даже не подозревали, что их чересчур откровенные высказывания тут же доводились до сведения кардинала. Причем не без выгоды для Марион, которая получала солидное вознаграждение за свои услуги.

Между прочим, именно Ришелье впервые во французской истории создал разветвленную шпионскую сеть, содержа на жалованье агентов и сыщиков, среди которых женщины играли не последнюю роль. Если кто-либо из черни или знати произносил крамольные речи, кардинал тут же узнавал об этом и, следовательно, мог уже в зародыше подавить любой заговор. Он всегда держал при себе несколько искусных помощников, умеющих приготовить яд и противоядие, точно скопировать почерки, дешифровать тайное послание.

Ришелье нанимал убийц, подкупал противников, сталкивал между собой лидеров враждебных ему кланов, натравливал друг на друга завистливых вельмож, пытавшихся ослабить его влияние на членов королевской семьи. Сыск, доноительство, шпионаж, фабрикация судебных дел, провокации достигли при кардинале Ришелье небывалого размаха. Особенно отличился на этом поприще глава секретной службы кардинала, его ближайший советник, монах ордена капуцинов отец Жозеф. Ему мы обязаны устойчивыми словосочетаниями «серый кардинал» (самого Ришелье прозвали «красным кардиналом») и «черный кабинет» (так назывались специальные секретные покои в Лувре, где перлюстрировалась почта). Словом, первый министр был един в трех лицах, олицетворяя одновременно законодательную, исполнительную и карательную власти.

Можно по-разному оценивать эти стороны деятельности всемогущего правителя, но справедливо и другое: вся воля, энергия и влияние Ришелье так или иначе были направлены на укрепление государственности Франции и усиление монархии. В этом смысле многие деяния кардинала, безусловно, отражали национальные интересы страны, во многом способствуя развитию ее культуры и науки. И уж никак нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что именно этому политическому деятелю принадлежит честь официального учреждения Французской академии, кроме того, он основал знаменитый Сорбоннский университет и был в числе

инициаторов создания первой во Франции (а возможно, и в мире) еженедельной газеты.

Власть Ришелье была столь велика, что одно время он даже пытался породниться с Людовиком XIII путем бракосочетания своей племянницы, Мари-Мадлен де Виньеро, герцогини д'Эгийон, с братом короля, принцем Гастоном Орлеанским.

В свое время Ришелье заставил юную Мари выйти замуж за Антония де Комбалле, старого горбуна, чье лицо еще в молодости изъела оспа. Вскоре после свадьбы де Комбалле скончался от загадочной болезни, а молодая вдова унаследовала знатное имя и приличное состояние. Руки Мари просили поочередно маршал де Брэзе и богач де Бетюнь, граф Ледигьер и граф Суассон. Всем этим уважаемым людям было отказано, и не только потому, что на горизонте появился Гастон Орлеанский. Как выяснил отвергнутый маршал, Мари уже давно сожительствовала с самим кардиналом! По утверждению де Брэзе, очаровательная племянница даже одарила монсеньора четырьмя отпрысками. Это означало, что Ришелье уже был отцом пятерых детей, если прибавить к ним еще и Шевиньи – статс-секретаря его преосвященства, побочного сына от некой госпожи де Бутийе.

Правда, кардиналу, считавшему, что дети – дар Божий, внебрачные «плоды любви» не доставляли особых хлопот. И когда его камердинер, надзирающий над служанками, почтительно докладывал, что очередная девушка, убиравшая в

спальне монсеньора, разрешилась от бремени, тот лишь выяснял пол ребенка и отправлял его в деревню на воспитание к родителям матери, снабдив ее некоторой суммой.

В числе прочих любовниц кардинала некоторые биографы называют жену маршала де ля Мейере мадам де Брисак, дочь Валуа, герцога Орлеанского, мадам де Шон, одну из красивейших женщин Парижа, и, наконец, еще одну знаменитую куртизанку, по имени Нинон де Ланкло. Между прочим, чтобы добиться любви последней, кардинал без всякого стеснения избрал посредницей ту же Марион Делорм, поручив ей предложить очередной «жрице Венеры» 50 тысяч экю. Неизвестно, достиг ли своей цели Ришелье, но сам факт предложения «оплаты услуг» установлен достоверно.

Надо заметить, что «любовный аппетит» Ришелье не ограничивался светскими дамами, куртизанками, служанками и собственной племянницей. Его желанной целью была сама королева Анна Австрийская. Кардинал выказывал ей запретные при его сане чувства: осыпал комплиментами, преподносил сентиментальные стихи собственного сочинения, чуть ли не открыто признавался ей в своих сердечных страданиях. Хитрый и всегда очень осторожный Ришелье настолько увлекся Анной, что потерял всякую бдительность и даже поверил хитроумной герцогине де Шеврез, которая сообщила ему, что, дескать, королева не прочь провести наедине час-другой в обществе кардинала. Но чтобы подтолкнуть ее к чувственным порывам, советовала каверзная герцогиня,

неплохо бы послать королеве записку с изъявлением страсти, а когда поклонник будет допущен в покои, предстать в костюме балаганного петрушки и станцевать перед ее величеством сарабанду.

И случилось необъяснимое: Ришелье вырядился шутом и так и выплясывал перед Анной Австрийской в дурацком колпаке с погремушками. Хотя некоторые мемуаристы, говоря об этом факте, считали, будто кардинал сознательно унизил себя ради блага отечества. Дескать, Людовику XIII не удавалось зачать наследника, и Ришелье задумал взять на себя эту ношу, для чего, как минимум, необходимо было снискать расположение королевы. Относительно «соблазнительной ноши» эта версия, возможно, и верна, а вот то, что Анна ответит на его чувство, – в этом есть некоторые сомнения. Даже ослепленный, жаждущий обладать прелестной Анной, такой ловкий и дальновидный политик, как Ришелье, не мог не понимать, чем он рискует. И точно, вдоволь натешившись, Анна Австрийская не замедлила сообщить супругу о двусмысленном поведении первого министра. Подлила масла в огонь и герцогиня де Шеврез, расцветив рассказ королевы такими подробностями, от которых Людовик побагровел от гнева. Но Ришелье, впрочем, как и всегда, вышел сухим из воды. Он сумел найти веские оправдания своему поведению, оконфузив при этом обеих дам.

Как известно, Анна предпочла всесильному первому министру лорда Бэкингема. Ришелье, который, помимо всего

прочего, был еще и плодовитым драматургом, отомстил ей весьма оригинальным способом. Он написал и поставил в придворном театре пьесу «Мирам», заставив королеву посмотреть этот спектакль. В этой пьесе Бэкингом был представлен как любовник в весьма жалком виде, а кроме того, еще и побежденным на поле боя под гугенотской Ла-Роше-лью. Попутно стоит заметить, что о тех событиях сохранились документы, которые легли в основу романа Дюма «Три мушкетера», – от дуэлей (на одной из которых погиб брат кардинала) до использования отставной любовницы Бэкингема графини Карлейль (пресловутой Миледи), успешно выполнившей шпионскую миссию при английском дворе, и весьма пикантных подробностей свиданий королевы и Бэкингема.

В конце своей жизни и правления охочий до женщин Ришелье вроде бы потерял к ним интерес, особенно после того как над ним так жестоко подшутила Анна Австрийская. Давали о себе знать и болезни. В 1632 г. у кардинала обнаружилась почечно-каменная болезнь, через два года усилились ревматические боли в суставах, его мучили постоянные лихорадки, а спустя еще три года вследствие упадка сил кардинал уже мог передвигаться только на носилках. Но даже будучи тяжелобольным, он до последнего дня по несколько часов диктовал приказы армии, дипломатические инструкции, распоряжения губернаторам различных провинций. 28 ноября 1642 г. наступило резкое ухудшение самочувствия.

Кардинал временами терял сознание, но, приходя в себя, пытался еще работать.

2 декабря умирающего навестил Людовик XIII. «Вот мы и прощаемся, – слабым голосом сказал Ришелье. – Покидая Ваше Величество, я утешаю себя тем, что оставляю Ваше королевство на высшей ступени славы и небывалого влияния, в то время как все Ваши враги повержены и унижены. Единственно, о чем я осмеливаюсь просить Ваше Величество за мои труды и мою службу, это продолжать удостаивать Вашим покровительством и Вашим благоволением моих племянников и родных. Я дам им свое благословение лишь при условии, что они никогда не нарушат своей верности и послушания и будут преданы Вам до конца».

Почти до самой смерти с Ришелье неотлучно находилась его племянница, герцогиня д'Эгийон. Однако перед самым концом Ришелье попросил оставить его одного. «Помните, – сказал он ей на прощание, – что я любил вас больше всех на свете. Будет нехорошо, если я умру у вас на глазах...»

Возле умирающего остался отец Леон, давший ему последнее отпущение грехов. «Предаюсь, Господи, в руки твои», – прошептал Ришелье, затем вздрогнул и затих. Святой отец поднес к его рту зажженную свечу, но пламя осталось неподвижным. Кардинал был мертв. Смерть наступила 5 декабря 1642 г.

Ришелье и после смерти продолжал управлять Францией, так как Людовик XIII предписал своему государственному

совету руководствоваться во внутренней и внешней политике программой великого кардинала. После кончины Людовика XIII, лишь на полгода пережившего своего первого министра, Анна Австрийская, которая при жизни Ришелье его ненавидела, все же отдала должное заслугам покойного в деле государственного управления Францией. Как-то остановившись перед его портретом, она произнесла знаменательные слова: «Если бы этот человек не умер, он пользовался бы теперь еще большим могуществом, чем когда-либо».

Конечно, при желании можно обнаружить и другую характеристику Ришелье, данную знаменитым мыслителем Монтескье, который назвал кардинала «негоднейшим из французских граждан». Контраст в этих двух высказываниях, как видим, разительный, что, впрочем, неудивительно. Ибо жизнь всякого великого политика состоит из подобных контрастов и противоречий. А если при этом иметь в виду интимные связи кардинала, то здесь более всего уместны слова еще одного французского мыслителя, Блеза Паскаля, как-то заметившего, что «господин кардинал не пожелал быть разгаданным». Пожалуй, это наиболее точные слова, подтвержденные историей. В биографии кардинала Ришелье, действительно, оказалось немало темных мест, что делает его личность необычайно притягательной как для историков, так и для любителей пикантных моментов из жизни знаменитых людей.

Людовик XIV Бурбон

(род. в 1638 г. – ум. в 1715 г.)

Король-Солнце; был известен не только роскошью своего двора, но и тем, что построил Версаль и вел бесчисленные войны. Но едва ли не в первую очередь он прославился громкими любовными историями, в которых играл главную роль.

«Я всем приказываю: если вы заметите, что женщина, кто бы она ни была, забирает власть надо мной и мною управляет, вы должны меня об этом предупредить. Мне понадобится не более двадцати четырех часов для того, чтобы от нее избавиться и дать вам удовлетворение». Так говорил Людовик XIV своим придворным. Он любил подчеркивать, что государственные интересы для него всегда стоят выше личных. В своих «Мемуарах» король писал: «Время, которое мы отдаем нашей любви, никогда не должно наносить вреда нашим делам. Как только вы дадите свободу женщине говорить с вами о важных вещах, она заставит вас совершать ошибки».

Тем не менее женщины играли в жизни монарха большую и важную роль. В молодости Людовик XIV часто менял своих любовниц. И каждая из его фавориток имела официальное положение при дворе. Стоило Его Величеству обратить внимание на какую-нибудь очаровательную даму, как перед ней тут же начинали заискивать окружающие. Придворные вставали, когда она входила и выходила. Многочисленные дети, появлявшиеся на свет божий от фавориток, получали титулы герцогов и графов, занимали генеральские и адми-

ральские должности. Все они обладали большими личными состояниями, вступали в браки с отпрысками самых известных аристократических семей Европы.

Содержание фавориток дорого обходилось государственной казне. Сластолюбивый монарх был щедр. Он одаривал любовниц дворцами, поместьями, землями, драгоценностями, деньгами. Их просьбы безропотно удовлетворяли министры и другие государственные чиновники. Даже отвергнутые фаворитки до конца своих дней пользовались милостями владыки.

Людовику было пять лет, когда умер его отец, и он стал королем. Управление страной взяла на себя Анна Австрийская, его мать. Однако, даже достигнув совершеннолетия, он не спешил брать бразды правления в свои руки, предпочитая заниматься любовными делами, оставляя дела государственные на свою мать и кардинала Мазарини.

Что же касается любовных дел, здесь Людовик был настоящим королем. Его первой женщиной была 42-летняя камеристка королевы, ему же было пятнадцать лет. С тех пор в его постели побывали практически все фрейлины королев-матери. Затем пошли в ход все девушки, находившиеся под рукой, а дочь садовника даже родила от него ребенка. Особое внимание он уделял племянницам кардинала Мазарини – сначала Олимпии Манчини, а потом и ее сестре Марии. Во многом благодаря Марии Людовик стал тем, кого современники называли Король-Солнце и которому приписы-

вали изречение: «Государство – это я». После смерти кардинала Мазарини в 1661 г. король упразднил должность первого министра, взяв управление всеми без исключения делами в стране в свои руки.

Марии Манчини удалось привить ему любовь к литературе и искусству, а также подвигнуть его на возведение Версаля, который стал самым блестящим двором и законодателем мод Европы. В годы царствования Людовика XIV возникли Академии наук, архитектуры, живописи и ваяния, Парижская обсерватория, Королевская академия музыки. Вытеснив латынь, французский язык стал языком дипломатов, а затем проник и в салоны знати.

Получив единоличную власть, Людовик XIV, попирая законы Божьи и человеческие, дал волю своим страстям. Нельзя сказать, что он быстро менял свои сердечные привязанности. Роман со следующей заметной фавориткой, Луизой де Лавальер, продолжался около десяти лет. Молодая женщина любила Людовика искренне, не преследуя далеко идущих эгоистических целей. Как отмечала одна из современниц, «Лавальер была единственной из фавориток Короля-Солнца, которая действительно любила Людовика, а не «Его Величество». О ней писали многие авторы, среди которых были Александр Дюма-отец и мадам де Жанлис.

Луиза родилась в 1644 г. в Туре в католической дворянской семье. В семнадцать лет она стала фрейлиной Генриетты Английской – жены Филиппа Орлеанского, младшего

брата короля. Филипп был гомосексуалистом, поэтому Людовик XIV старался утешить, по мере возможностей, свою прелестную невестку. А «возможности» молодого короля Франции были неограниченны.

Об этом романе стало известно матери Людовика – единственному человеку, который имел на него влияние. Сын пообещал ей, что прекратит встречаться с Генриеттой. На самом деле влюбленные задумали хитрость: король сделает вид, будто увлекся какой-нибудь другой дамой, обязательно из числа фрейлин Генриетты, он будет оказывать ей знаки внимания, возможно, приблизит ее к себе. Даму, за которой следовало приударить королю, возлюбленная выбрала сама. Ее выбор пал на Луизу де Лавальер – самую скромную, невзрачную, бедную провинциалку, не имевшую при дворе жениха и защитника. Генриетта никак не ожидала, что Людовик слишком хорошо «войдет в роль».

Вначале король скрывал свою связь с Лавальер, нигде вместе с ней не появлялся, а в 1663 г. она переехала во дворец. У Луизы было четверо детей от Людовика XIV. Сразу после рождения малышей у матери отбирали. Двое сыновей умерли в младенчестве, а третий сын, Луи, в двухлетнем возрасте стал графом де Вермандуа, адмиралом Франции, дочь Мари-Анн вышла замуж за принца Конти.

Всеми делами «хромоножки из Тура» (в детстве Луиза упала с коня, сломала ногу и после этого немного прихрамывала) занимался генеральный контролер финансов Жан-Ба-

тист Кольбер. По поручению короля Кольбер купил для нее имение Вожур в Ренси за 800 тыс. ливров. Неизвестно, посещала ли когда-нибудь мадемуазель де Лавальер принадлежавшие ей владения, но отныне она стала именоваться герцогиней Вожур. Сама Луиза у любовника ничего не просила, но и от подарков не отказывалась. Она получала через Кольбера крупные суммы и тратила их быстро и безрассудно.

Но уже в 1666 г. придворные стали замечать признаки охлаждения короля к своей фаворитке. У Людовика XIV появилось новое увлечение – замужняя дама, маркиза Атенаис де Монтеспан, которая за все время их связи родила королю восьмерых детей.

Жестокость Его Величества, казалось, была безграничной. Он поселил Луизу и Атенаис в замке Сен-Жермен-ан-Ле в смежных апартаментах с одной входной дверью и настаивал, чтобы женщины делали вид, что поддерживают хорошие отношения. Они втроем обедали, гуляли в парке, но, возвращаясь с прогулки, Людовик заходил к Луизе, переодевался и, едва бросив ей несколько слов, направлялся к Атенаис, у которой оставался на весь вечер (ночь он проводил в спальне законной жены – королевы Марии Терезии).

Людовик заставил Луизу стать крестной матерью его дочери, которую родила Монтеспан. На следующий день после крестин брошенная фаворитка отправилась к настоятельнице монастыря, расположенного на бульваре Сен-Жак в Париже и принадлежащего ордену Босоногих Кармелиток, с

просьбой постричь ее в монахини. Но в обитель принимали только девушек, а не женщин со скандальной репутацией.

В течение двух месяцев Луиза часами стояла на коленях перед порогом монастыря и, в конце концов, своими мольбами тронула сердце настоятельницы. В монашеской келье она провела 36 лет – большую часть своей жизни. Молодая, полная сил Луиза ушла в небытие. При дворе Людовика XIV наступила «эпоха Монтеспан».

Но надо сказать, что произошло это не вдруг. Атенаис давно мечтала о Людовике и добивалась его внимания всеми возможными и невозможными способами, даже приняла участие в «черной мессе», проведенной знаменитой колдуньей Катрин ла Вуазен и предводителем парижских сатанистов, отступником-аббатом Гибуром. Во время «черной мессы» Атенаис обнаженная лежала на алтаре, а на ее животе приносили в жертву младенца... Когда король одарил ее своим вниманием, Атенаис сочла это результатом сатанинских ритуалов и стала еще чаще посещать «черные мессы» в надежде стать его единственной фавориткой.

Франсуаза Атенаис де Монтеспан происходила из знаменитого аристократического рода. По своему внешнему облику она отвечала тогдашним придворным вкусам: полная, светловолосая, с голубыми глазами. Но новая фаворитка не отличалась ни манерами, ни благородным характером. Ей, правда, нельзя было отказать в уме и наблюдательности. Ее злого языка боялись, и не без оснований: она не щадила ни-

кого, лишь бы развлечь и заинтересовать Людовика XIV.

Монтеспан отличали тщеславие и самовлюбленность. Если Марии Терезии шлейф нес ее паж, то Атенаис – старшая статс-дама герцогиня де Ноай. У фаворитки был собственный двор, ее посещали генералы, министры, послы. В Версале она имела 20 комнат, а королева – 10 вместе с помещениями для придворных дам.

Людовик XIV не жалел денег на свою любовницу. Неподалеку от Версаля, в Кланьи, для Атенаис построили большой замок, стоивший 28 млн ливров. Не только там, но и в королевском дворце она чувствовала себя хозяйкой. «Госпожа де Монтеспан пишет мне, что вы, Кольбер, спрашиваете ее, какие еще пожелания следует учесть в ходе строительных работ в Версале, – писал Людовик. – Вы правильно сделали, поступив таким образом. Продолжайте угождать ей всегда». И министры угождали: строились дворцы, оказывались почести, фаворитку охранял отряд именитых дворян.

Ее муж, маркиз де Монтеспан, до конца своих дней так и не простил Атенаис измены. Он похоронил в родовом склепе пустой гроб и высек на могильной плите имя неверной жены. Покинутый муж постоянно устраивал Людовику сцены ревности и открыто жаловался на короля придворным. Он отправил письмо Марии Терезии, в котором сообщил о любовной истории короля, что, разумеется, усилило ненависть Людовика XIV к маркизу. Через несколько лет, после всех скандалов, получив от короля значительную материальную

компенсацию на достойное воспитание детей, маркиз Монтеспан согласился на расторжение брака.

С тех пор Атенаис царила и властвовала. «Султанша», как ее называли при дворе, позволяла себе не только решать судьбы придворных, даровать состояния и титулы, изгонять в опалу, разорять, но даже подшучивала над королевой. Марии Терезии приходилось обращаться к фаворитке, чтобы через нее добиться какой-либо королевской милости. И когда Людовик приказал удалить от жены всех испанских фрейлин, Монтеспан по просьбе королевы «ходатайствовала» перед ним, и Марии Терезии высочайше позволили оставить одну.

Поволноваться Франсуазе все же пришлось. Женолюбивый Людовик, хотя и был привязан к ней, но увлекался и другими женщинами. Королю никто не отказывал. За 16 лет «царствования» Монтеспан не раз пришлось отстаивать свое право на венценосного любовника. Принцесса Субиз родила королю сына. Мимолетные увлечения графиней Граммон, госпожой де Людр и девицей Гедам болезненно ударяли по самолюбию «султанши». Но особенно волновала ее юная фрейлина королевы, мадмуазель де Фонтанж, серьезно претендовавшая на место фаворитки. Казалось, что Монтеспан была спасена благодаря тяжелой беременности своей соперницы, которая выглядела измученной и непривлекательной. Ребенок родился мертвым, а через два года скорострительно скончалась маркиза Фонтанж. Препятствия больше не суще-

ствовало.

Шло время, и отношения Людовика с фавориткой становились все более напряженными. Монтеспан утомляла и раздражала короля своими капризами, непомерными требованиями, неумейной жадой денег и власти. Конец многолетней связи приближался, но и после окончательной отставки Монтеспан Людовик XIV продолжал выплачивать ей крупные суммы. По свидетельству современников, щедрость монарха была безмерной: отвергнутая любовница ежегодно получала от короля 1 млн 200 тыс. ливров.

Монтеспан покинула двор и последние годы жизни провела в одиночестве, вымаливая прощение у Бога. Для искупления грехов она носила подвязки и пояс с острыми гвоздями. Ее постоянно терзал страх адских мучений. Бывшая «султанша» умерла в 1707 г. в возрасте 66 лет. До этого она просила мужа о прощении, но маркиз ответил, что и слышать не хочет о своей бывшей жене.

Следующим увлечением Людовика XIV стала Франсуаза д'Обиньи, известная под именем маркизы де Ментенон. Родилась она в 1635 г. в городе Ниоре, в 410 км от Парижа в семье фальшивомонетчика, картежника и убийцы Констан д'Обиньи, ставшего впоследствии губернатором острова Мартиники.

Франсуаза была привлекательной шатенкой, с черными глазами и смуглым лицом. Она обладала такими редкими для ее возраста качествами, как сдержанность и рассудитель-

ность. Необычно складывалась ее жизнь. В шестнадцать лет ее выдали замуж за разбитого параличом 42-летнего талантливого поэта Поля Скаррона. «Я предпочла замужество монастырю», – говорила Франсуаза и в течение восьми лет ухаживала за тяжелобольным мужем, разделяя с ним и беды и радости до самой его смерти.

Однажды она познакомилась с маркизой де Монтеспан. «Султанша» поступила очень опрометчиво, пригласив новую подругу в свой дом на должность воспитательницы незаконнорожденных детей короля Франции. Там ее и увидел Людовик XIV. Она была прямой противоположностью шумной, капризной, раздражительной Монтеспан, что очень импонировало королю, уже основательно уставшему от бурной жизни.

Теплые отношения подруг постепенно перерастали во враждебные. Мадам Скаррон проявляла незаурядное искусство обольщения, два года «героически» сопротивляясь притязаниям Людовика XIV. Уступила она только тогда, когда окончательно убедилась, что король в нее безумно влюблен. В 1678 г., когда Монтеспан вернулась с курорта Бурбон-л'Аршамбо, где она находилась несколько месяцев, место, которое ей ранее принадлежало, уже прочно заняла бывшая подруга.

На полученные от короля 200 тыс. ливров новая фаворитка купила себе имение Ментенон, в сорока километрах от Версаля. Дворец в стиле ренессанса, построенный при Фран-

циске I, был отремонтирован. Людовик XIV как-то назвал свою любовницу мадам де Ментенон, под этим именем она и вошла в историю.

Перемены в жизнь очередной любовницы короля внесла смерть 53-летней Марии Терезии летом 1683 г. Людовик XIV, казалось, был потрясен кончиной жены. В это трудно было поверить, хотя во имя собственного престижа внешне Людовик XIV соблюдал приличия: он изображал нежного супруга, неизменно проводившего ночи в семейной спальне. И королева, в свою очередь, была вынуждена любезно относиться к фавориткам мужа, принимать их у себя. Людовик не только полностью подчинил себе жену, но и бесконтрольно распоряжался ее личным состоянием.

После смерти Марии Терезии что-то надломилось в сознании Людовика. Король, устав от развлечений, преисполнился религиозного страха, боялся небесного наказания за земные грехи. Обстановка в Версале изменилась: придворные вели себя более сдержанно и осторожно. Впрочем, нравы при дворе остались прежними, просто, опасаясь гнева короля, трусливо скрывалось то, что раньше демонстрировалось открыто.

Монарх, вдруг сделавшийся богобоязненным, решил жениться на Ментенон. Тайное бракосочетание состоялось в 1683 г. в Версальской часовне. Брак мадам Ментенон остался для всех тайной, он не был узаконен и публично объявлен. Несмотря на все ее настояния, король не решился возвести

на трон вдову поэта Скаррона. До самой смерти она так и осталась фавориткой.

Вскоре для Ментенон отвели четыре небольшие комнаты в Версальском дворце напротив апартаментов короля. Тщательно скрывая глубокую обиду, Ментенон на всех официальных церемониях вела себя как придворная дама, а не как королева. Казалось, она не претендовала на особое положение, жила в Версале скромнее, чем Монтеспан.

Отношения между супругами складывались необычно. Интимная жизнь короля претерпела существенные изменения. Франсуаза не обладала достоинствами молодости: она была на три года старше Людовика и холодна в постели. Вильгельм Оранский по этому поводу шутил: «Французский король – противоположность другим государям: у него молодые министры и старая любовница». Известный историк Луи Бертран писал: «Людовик XIV был разочарован. Новая супруга вступила в конфликт со всеми его вкусами, со всеми влечениями, со всем, что было свойственно его натуре. Невозможно представить себе супругов, столь отличных друг от друга. У нее не было никакой женской нежности. И к тому же ее едва ли можно было считать настоящей женщиной».

Франсуаза также переносила супруга с трудом. Эгоизм Людовика XIV не знал границ. В угоду своим желаниям он не считался ни с чем и ни с кем. Ментенон, больная, с высокой температурой и головной болью, должна была посещать

балы, отправляться в различные поездки вместе с двором. Она боялась сквозняков – он настежь открывал окна в любую погоду. Она любила рано ложиться спать – он работал допоздна и непременно при этом хотел иметь собеседницу.

Ментенон вынуждена была не замечать любовные интриги своего супруга: более десяти лет продолжалась связь Людовика XIV с рыжеволосой красавицей Анной де Роан. Обладая богатейшим жизненным опытом, Франсуаза понимала, как легко потерять то исключительное положение, которое она занимала. Да и надежда официально занять место королевы ее никогда не покидала. Хотя Людовик и растерял свой юношеский пыл, он иногда еще позволял себе «пошалить», поэтому высоко ценил выдержку, спокойствие, такт и ум супруги.

Исследователи считали маркизу де Ментенон женщиной «амбициозной, ненасытной и скрытной». Идеал Ментенон – всеобщее обожание ее персоны: «Все хорошо, если это связано с ней; все отвергается, если делается без нее. Люди, дела, назначения, правосудие, помилования, религия – все без исключения в ее руках; король и государство являются ее жертвами. В одном только она не изменяла себе: в страсти к господству и властвованию».

Члены королевской семьи, министры, придворные через нее нередко обращались к королю. В Версальском дворце она сидела в кресле в присутствии Людовика, его сына – наследника престола, его брата, английских коронованных

особ. При этом она избегала дорогих нарядов, не носила драгоценностей, одевалась со вкусом, но скромно, не по возрасту. Ее называли «дамой в черном», хотя платья черного цвета Ментенон носила редко – король этот цвет не любил.

В апартаментах Франсуазы Людовик XIV работал, а его супруга читала или вышивала. Присутствующие говорили громко, а она делала вид, что поглощена работой, но ничто не ускользало от ее внимания. Маркиза редко высказывала свое мнение, между тем король сам советовался с ней. Она никогда не проявляла заметного интереса к тому или иному событию или лицу, но всегда умело направляла волю венценосного монарха в нужное ей русло. Поэтому придворные придавали очень большое значение беседам с Людовиком XIV в покоях Ментенон. Фактически все министры зависели от нее. Вместе с тем с ее помощью они укрепляли свою власть.

Маркиза умело оберегала своих сторонников. В ожидании министра или после его ухода она интересовалась мнением короля о том или ином государственном деятеле, тонко превозносила заслуги, верноподданнические чувства своих людей. Это была своеобразная круговая порука. Если же министр не придерживался ее точки зрения, то «королева» всегда и достаточно быстро добивалась его смещения. Цель достигалась просто: в ход шли ложь, домыслы, оговоры. Многим Ментенон испортила карьеру, а они даже не подозревали об истинных причинах, которые привели к их отставке.

Борьба с протестантами, проводившаяся Людовиком XIV, требовала воспитания подданных в католическом духе. С этой целью Ментенон создала в 1686 г. учебное заведение для девушек из небогатых дворянских семей. Находилось оно в Сен-Сире, неподалеку от Версаля и было рассчитано на 250 воспитанниц. Франсуаза уделяла много внимания своему детищу, пропадая в институте целыми днями. Директриса сама учила девиц орфографии, истории, литературе, читала специальный курс по воспитанию детей.

Людовик XIV с одобрением относился к начинанию своей супруги. Беседуя однажды с поэтами Расином и Буало, он говорил о Сен-Сире: «Не забудьте упомянуть в анналах моего царствования основание института».

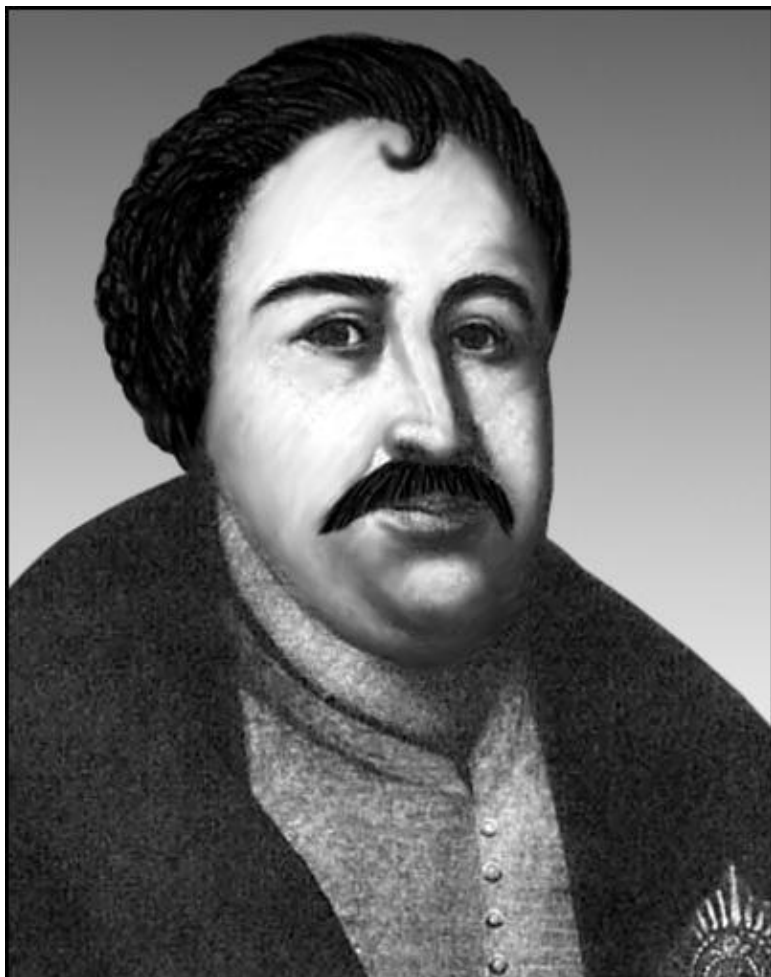
Жизнь последней фаворитки Людовика XIV была полна противоречий. Богобоязненная женщина, вопреки католической морали, стала любовницей короля. Все знала, многое могла и вместе с тем всего боялась, скрывая свои истинные мысли и эгоистические цели. Она обвенчалась с королем, но так и не была официально признана королевой. Маркиза де Ментенон пережила своего царствующего супруга всего на четыре года.

Людовик XIV умер в возрасте семидесяти шести лет, оставив казну страны более чем опустошенной – долг достигал двух миллиардов ливров. По этому поводу Вольтер заметил: «Несмотря на все, что написано против него, его имя будут произносить не без благоговения, и с этим именем будут со-

единять идею столетия, которое навсегда останется благодарным». Людовик XIV правил дольше, чем любой король в Европе, царствовавший до него, – 72 года.

Король-Солнце пережил и своего сына, и внука. А после него новым монархом Франции стал его пятилетний правнук, известный в истории под именем Людовика XV.

Мазепа Иван Степанович

(род. в 1639 г. — ум. в 1709 г.)

Украинский гетман, деяния и любовные похождения которого нашли отражение в произведениях Пушкина, Байрона и Гюго.

В последнее десятилетие интерес к личности украинского гетмана Ивана Мазепы повысился неизмеримо. Историки, особенно украинские, исследуют неизвестные ранее архивы, воспроизводят отдельные эпизоды деятельности ясно-вельможного пана Мазепы, создают новые мифы о хитром умном властолюбце, окутывая его жизнь ореолом героизма и вольнолюбия. Выходит, не совсем прав был Пушкин, когда в поэме «Полтава» писал, что Петра I будут помнить и прославлять всегда, а изменника Мазепу забудут напрочь. Спустя столетия имя человека, с весьма приблизительным сходством изображенного на национальной денежной купюре Украины, снова становится предметом жаркой полемики.

И не напрасно, если учесть, что к образу украинского гетмана обращались, кроме Пушкина, такие литературные гении, как Вольтер, Байрон и Гюго. Правда, их оценки деятельности Мазепы несколько разнятся от нынешних, что, впрочем, лишь вносит дополнительную интригу в историческую картину событий и судеб минувших лет.

После всей этой разноголосицы черты самого героя повествования начинают как-то расплываться, теряя свой истинный, по-человечески узнаваемый облик, что плодит еще

более фантастические версии.

Несомненно одно: Иван Мазепа – фигура значительного исторического масштаба, а для нашего времени еще и знаковая, как с точки зрения его государственных деяний, так и проявлений таких качеств, как ум, расчетливость, склонность к интригам и, не в последнюю очередь, чувственным проявлениям. Простор здесь открывается необъятный. Одни исследователи делают упор на вклад Мазепы в обретение украинской независимости, другие ищут золото гетмана, третьи с не меньшим энтузиазмом прослеживают его любовные приключения.

В чем же состоит загадка одиозной личности Мазепы, и какими материалами располагают историки?

Достоверно известно, что Иван Мазепа происходил из старинной дворянской семьи. Его отец Степан-Адам Мазепа-Колядинский был сподвижником Богдана Хмельницкого и занимал пост казацкого атамана в Белой Церкви. А в 1622 г. польский король Ян Казимир назначил его черниговским воеводой. Мать Мария принадлежала к дворянскому роду Мокиевских, который издавна селился на землях Белоцерковского полка. Их сын Иван родился в родовом имении Мазепинцах 20 марта 1639 г. (по некоторым источникам – в 1632 г.)

О детстве и юности Мазепы сведений почти не сохранилось. Можно лишь предположить, что Иван получил достойное домашнее воспитание, в которое включались умение ез-

дить верхом, владеть саблей, освоение военных упражнений. В течение трех лет юный Мазепа овладевал риторикой, латынью, пытался писать стихи, подражая древним римским авторам. После обучения в Киево-Могилянской коллегии отец, мечтавший о большой карьере сына, отправил Ивана ко двору польского короля Яна Казимира.

Украинские историки особо подчеркивают личностные качества молодого Мазепы – способность очаровывать людей, дипломатичность, осторожность, умение вести светскую беседу. Как пишут историки И. Борщак и Р. Мартель: «До поздней старости Мазепа сохранил тайну привлекательности: короли, князья, женщины, казаки и даже духовные лица не могли устоять перед его удивительной силой пленять сердца». Наверное, так оно и было, иначе Мазепа не сумел бы войти в доверие к коронованным особам трех враждебных друг другу стран – Польши, России и Швеции, будучи при этом украинским гетманом.

Деятельность Мазепы при дворе польского короля началась с дипломатических миссий. Ян Казимир доверял ему передачу писем украинскому гетману Ивану Выговскому, а через год отправил с миссией к его преемнику гетману Юрию Хмельницкому. Перед Мазепой открывалось блестящее будущее. Обязанности были не слишком обременительными, да и к тому же открывались перспективы женитьбы на какой-нибудь хорошенькой панночке из королевского окружения. Но тут у Мазепы возник некстати серьезный кон-

фликт с Пасеком, одним из приближенных польского короля. По одной из версий, ссора произошла из-за дамы, которая нравилась обоим. Дело дошло до того, что в одной из словесных перепалок Пасек так оскорбил Мазепу, что тот, не сдержавшись, замахнулся на него саблей.

Странный поступок для осторожного Мазепы. Ведь он не мог не знать, что такой жест в королевских покоях считался преступлением. Конечно же, Ян Казимир при оценке поведения своих фаворитов предпочел пожертвовать украинцем, нежели польским дворянином. Но отставка Мазепы отнюдь не удовлетворила честолюбивого Пасека, который, между прочим, обладал еще и литературным талантом. Позже он издал томик мемуаров под названием «Воспоминания», который до сих пор считается одним из наиболее популярных трудов европейской мемуаристики.

Именно с легкой руки Пасека пошла гулять по свету то ли быль, то ли легенда о том, как был наказан Мазепа за свою чрезмерную любвеобильность к женскому полу. Будто бы поселившись по соседству с польским помещиком Фальбовским, Иван уж очень увлекся его женой, красавицей Вандой, вышедшей замуж за старого богача по расчету. Мазепа не упустил случая очаровать молодую женщину, вступил с ней в «порочающую связь», в коей и был уличен слугами. Уязвленный супруг подстерег соблазнителя, приказал слугам раздеть его, облить смолой, обвалить в пуху и привязать задом наперед к лошади. Но и этого обманутому супру-

гу показалось мало. Он самолично стеганул коня и несколько раз выстрелил в воздух. Обезумевшая лошадь долго носила незадачливого любовника по колючим зарослям, пока на него не наткнулись казаки атамана Петра Дорошенко.

Надо заметить, что не один Пасек испробовал свое перо на этом трагикомическом эпизоде. Вдохновил он не только Вольтера, который поведал об этом случае в «Истории Карла XII», Байрона и Гюго, изобразивших в своих творениях эпизод наказания Мазепы, но даже композитора Ференца Листа. После чего миф о «голом Мазепе» вырос буквально до величины символа, драматической эпопеи. Что, в общем-то, и понятно: яркость картины скачущего по степи незадачливого любовника может и впрямь поразить не только поэтическое воображение. В 70-х гг. XIX в. эта легенда нашла воплощение даже в цирковых пантомимах во Франции и Англии. Зрители были в восторге от артистки, одетой в трико телесного цвета и мчавшейся, привязанной к коню, по цирковой арене.

Но вернемся к историческим фактам. Несостоявшаяся дипломатическая карьера при Яне Казимире, возможно, заставила Мазепу пристальнее взглянуть в украинские реалии. Он понял, что Украина представляет собой широкое поле для политической деятельности, тем более что уже тогда Мазепа почувствовал безграничную волю к власти. В тот период на Украину небезразличным взглядом смотрели три могучих соперника – Варшава, Москва и Константинополь.

Каждый из них имел там свою партию и своего гетмана. Наиболее авторитетным считался гетман Войска Запорожского Петр Дорошенко, мечтавший объединить Украину в одну державу. Не случайно образ этого сурового воина вошел в украинскую песенную фольклористику. Кстати, Дорошенко хорошо знали не только в Москве, но и в Париже, Лондоне, Гамбурге. К нему и явился Мазепа, ведомый только одному ему понятным инстинктом. Он уже имел некоторый опыт дипломатической службы, обретенный при польском дворе, был образован и, самое главное, умел нравиться окружающим.

Карьера Мазепы была стремительной. Сначала его назначили комендантом гетманской гвардии, а затем удостоили чести стать генеральным писарем, то есть представителем всей дипломатии в казацком государстве. Как раз в этот период начинается целая череда любовных походов Мазепы, которые сохранились не только в исторических хрониках, но и в народной памяти. Можно легко понять молодых красавиц: перспективный, элегантный, остроумный и словоохотливый Мазепа не мог не привлечь внимания. Он не только наслаждался их любовью, но даже иногда и извлекал из этого политическую выгоду. К сожалению, большинство имен хорошеньких воздыхательниц не сохранилось, а вот имя жены Мазепы – Анны, богатой вдовы полковника Самуила Фридрикевича, на которой он женился из сугубо материальных соображений, зафиксировано в исторических

документах. Анна очень скоро оставила сей бранный мир, а ее суженому досталось богатое наследство.

Впрочем, один более ранний эпизод известен достоверно. В 1663 г. Мазепа, живший тогда на Волыни, в отцовском имении, познакомился с соседом-помещиком Загоровским. Внимание Ивана привлекла его юная красавица-жена Елена. Презирая своего мужа, которого считала совершенно безвольным человеком, она, не задумываясь, ответила на любовь красивого ухажера, подкреплявшего вспыхнувшее чувство дорогими подарками. Мазепа так увлекся, что уже мечтал каким-то образом избавиться от надоевшего мужа. Однако тот оказался не таким уж слабохарактерным – обманутый и возмущенный, Загоровский разорвал все отношения с женой, лишив ее возможности вступить в новый брак. Самому же Мазепе пришлось срочно ретироваться с «любовного поля боя».

Дослужившись у Дорошенко до чина генерального писаря, Мазепа стал подумывать о дальнейшей карьере. Случай отличиться представился очень скоро. В марте 1674 г. гетман решил заключить договор с Турцией с целью обеспечить свободу Украины от посягательств Польши и России. Выполнение этой деликатной миссии было поручено энергичному Мазепе. Прихватив семнадцать невольниц в качестве подарка турецкому султану, дипломат отправился в дорогу. Но до султанских палат он так и не добрался. Кошевой атаман Иван Сирко, автор знаменитого «Письма запорожцев ту-

рецкому султану», состоявший на службе у промосковского гетмана Левобережья Ивана Самойловича, сумел перехватить обоз. Над жизнью Мазепы нависла серьезная угроза. И спасло его от кары лишь заступничество самого Сирка. Однако Самойлович потребовал от запорожцев выдать пленника с тем, чтобы самолично учинить над ним расправу, поскольку гетман, как и рядовые запорожцы, посчитал Мазепу изменником. Бедный дипломат, попав из огня да в полымя, и тут нашел применение своему таланту очаровывать даже врагов. Удачливому интригану не только удалось избежать наказания, но еще и стать учителем и наставником гетманских детей.

Через некоторое время власть в Москве переменилась: на трон взошла царица Софья, регентша при малолетних Петре и Иване. Воспользовавшись возникшей ситуацией, Мазепа тут же сочинил донос на Самойловича, передав письменное свидетельство князю Василию Голицыну, фавориту Софьи. В доносе, помимо прочего, содержалось утверждение, будто Самойлович намерен оторвать Украину от России. Князь пока никак не использовал эту кляузу, поскольку гетман Левобережья во время военной кампании 1687 г. против Крымского ханства пожелал присоединиться к царским войскам с 50-тысячами казаков. Но вот когда поход Василия Голицына на Крым закончился неудачей, то он сполна использовал мазепинское донесение, возложив с его помощью всю вину за поражение на Самойловича. Опального гетмана тут же со-

слали в Сибирь, а гетманская булава перешла к Мазепе. Наконец-то он получил власть, о которой мечтал все предыдущие годы.

Долгое время верил Мазепе и новый российский государь Петр I. И поначалу это доверие гетман вполне оправдывал. На Украине он развернул бурную деятельность в духе петровских реформ: отливал пушки, посылал молодых людей из шляхетских семей учиться за границу, открывал типографии, строил новые крепости, превратил Киево-Могилянскую коллегию в академию. В то время награды и титулы на Мазепу сыпались как из рога изобилия: в 1700 г. Петр I сделал его вторым кавалером ордена Андрея Первозванного; король Польши Август II наградил орденом Белого Орла; а австрийский император Иосиф I присвоил титул князя Священной Римской империи. Благодаря безграничному доверию Петра I гетман обезопасил себя от такого смертельного оружия, как доносы, которые приходили на петровского любимца десятками. Его обвиняли в угнетении простых людей, казнокрадстве, взяточничестве и конечно же в прелюбодеянии. Что касается казнокрадства, то официальных расследований не проводилось, но то, что Мазепа был одним из крупнейших землевладельцев не только на Украине, но и в России, и золота имел предостаточно, факт широко известный.

С одним из таких доносов связана драматическая история, которая по накалу страстей не уступает нынешним латиноамериканским сериалам. А именно: история любви гетма-

на Мазепы к 16-летней Матрене Кочубей. Ее отец, генеральный судья Василий Кочубей был давним войсковым товарищем Мазепы, еще со времен гетманства Петра Дорошенко. Богатству Кочубея завидовали многие, но наибольшее восхищение вызывала его дочь Матрена, крестница Мазепы. Ее красоте Пушкин, не без романтической восторженности, посвятил в поэме «Полтава» такие строки:

Как пена, грудь ее бела.
Вокруг высокого чела,
Как тучи, локоны чернеют.
Звездой блестят ее глаза;
Ее уста, как роза, рдеют.

Мазепе было уже за шестьдесят, когда он влюбился в Матрену, решив непременно на ней жениться. Он засыпал свою возлюбленную дорогими подарками и даже пытался сочинять ей поэмы. Но старый Кочубей и слышать не хотел о свадьбе. Не говоря уже о разнице в возрасте, имелась и другая, не менее веская причина, препятствовавшая этому союзу. Православная церковь строго запрещала браки между крестным отцом и его крестницей. А кроме того, репутация Мазепы как соблазнителя женщин никак не могла вдохновить Кочубея на подобный мезальянс. Так или иначе, но, получив от родителей Матрены категорический отказ, Мазепа не придумал ничего лучшего, как выкрасть крестницу (по другим сведениям, девушка сама убежала из дома к пленив-

шему ее престарелому суженому). Друзья посоветовали убитому горем отцу обратиться за помощью к царю. На свою беду, Кочубей послушался их совета. Он написал донос Петру, где говорилось о тайных переговорах гетмана с польским королем Станиславом Лещинским и шведским королем Карлом XII. А кроме того, прилагалась жалоба на посягательства Мазепы на его дочь. Прочитав послание генерального судьи, Петр I, как обычно, предоставил возможность самому Мазепе разобраться с жалобщиком. После чего Кочубей был подвергнут суровым пыткам и 15 июля 1708 г. казнен под Белой Церковью.

После гибели Кочубея Мазепе пришлось отступить от Матрены, но любить ее он не перестал. В доказательство этой любви сохранилось несколько писем, в которых престарелый ухажер на все лады превозносит красоту и добродетели Матрены, скорбно сетуя на силы, препятствующие воссоединению влюбленных. Вот один из образчиков чувственных излияний влюбленного гетмана: «Моя любимая Мотронька! Поклон мой отдаю Вашей милости, мое серденько, а при поклоне посылаю Вашей милости гостинец – книжечку и колечко бриллиантовое, прошу эту благодарность принять, а меня в любви своей непременно прятать. Даст Бог, на лучшее надеюсь, а затем целую уста коралловые, ручки беленькие и все членики тельца твоего беленького, моя возлюбленная». В таком же сентиментально-слащавом духе написаны все послания Мазепы к своей «любимой Мотроньке».

Из исторических хроник известно, что очаровательная панна Мотря, так и не вкусившая любовных прелестей неистового поклонника, в конце концов благополучно вышла замуж.

Жизнь тем временем продолжалась. И казалось, ничто не предвещало бури, которая грозила не только личному счастью гетмана, но и всей его политической карьере. Полтавская битва стала роковой ошибкой в цепочке блистательных политических интриг Мазепы. Он сделал ставку на сотрудничество с врагом Петра I, шведским королем Карлом XII. Дальнейшее известно. Гетманская ставка, расквартированная в Батурине, была разгромлена российскими войсками, а шведы разбиты Петром I. Мазепе пришлось вместе с Карлом XII бежать в Турцию. Там он прожил недолго, страшные потрясения последних лет исчерпали жизненные силы старого гетмана. Иван Мазепа скончался в 1709 г. в селе Варницы близ Бендер. В точной дате смерти Мазепы имеются существенные расхождения. Согласно одним источникам, гетман умер 22 или 28 августа, а по другим – 22 сентября или 2 октября, упоминается даже 18 марта 1710 г.

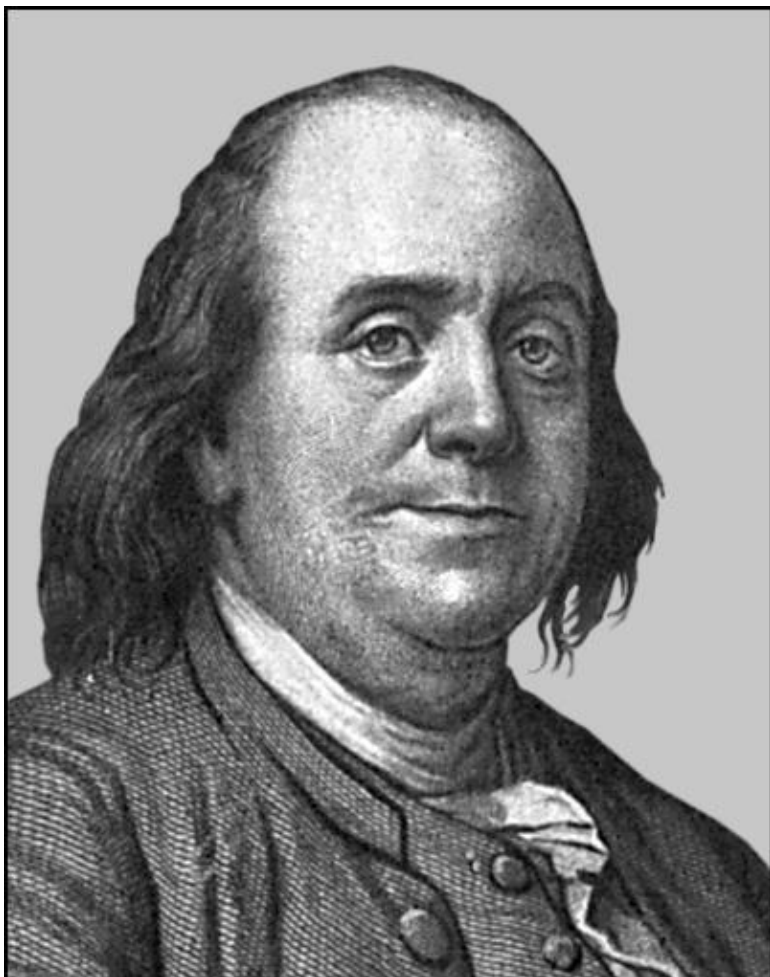
Но даже смерть и упокоение тела гетмана Ивана Мазепы вызвали множество различных легенд. Вот некоторые из них. Первая: Мазепа умер от неизвестной болезни, напоминающей сифилис, а на смертном одре страдал от вшей, которые ничем нельзя было вывести и которые буквально заедали его. Вторая: его отравили наемиты Петра I. И наконец,

согласно третьей, инсценировав свою смерть и даже похороны, Мазепа тайно перебрался в Киев, принял иночество и в покаянии закончил свою жизнь, замаливая грехи.

Что касается погребения, то Мазепу похоронили в церкви Св. Юрия в румынском городе Галац. Но янычары в поисках золота отрыли труп гетмана, сорвали с него одежды и бросили в Дунай. Позже верные Мазепе люди нашли его тело и вновь захоронили.

Что ж, надо прожить поистине необыкновенную жизнь, чтобы даже своей смертью суметь озадачить потомков.

Франклин Бенджамин

(род. в 1706 г. – ум. в 1790 г.)

Американский философ, ученый, политик, отдавший много сил не только науке, но и любовным увлечениям.

По давней исторической традиции некоторые американские биографы одного из «отцов-основателей» Соединенных Штатов Америки Бенджамина Франклина считают, что большинство его любовных увлечений строились на весьма платонических чувствах. Однако так не думают европейцы, в частности французские исследователи, которые отмечают прочную репутацию великого американца как ценителя и знатока женщин, сохранившего немалую сексуальную энергию до глубокой старости. Сыграли свою роль и отменное здоровье

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.